

ПОЛКОВНИК Ф. ЕЛИСЕЕВ

НА КОНЕ ПО БЕЛУ СВЕТУ

№ 3

АВТОР В ДЖИГИТОВКЕ

Самый большой полк в мире
Полк артиллерии Поль. Елисеев
Львув, Польша. 1946-1945.

Полковник Феликс Елисеев
в Мунхене - Берлин 1945

Полковник Елисеев на эскадронной вылазке
в Мунхене, 24 июля 1945 г.

Полковник Феликс Елисеев
в Мунхене, Франция 24 июля 1945 г.

В. Бресслау -
Германия - 1926 г.

Борис
Филиппов
1925 г.

В работе
касающийся
1935 г.

Полковник Елисеев
Берлин - 1945 г.

С. Уоррен
1947 г.
Результат
Швейцария.

Через горный барьер. Берлин. 1947 г.

НА КОНЕ ПО БЕЛУ СВЕТУ.

/брошюра № 3-й/.

О Г Л А В Л Е Н И Е:

- 1.- От кого и отчего зародилась казачья джигитовка?
- 2.- На Бурме. Город Рангун. Золотая пагода.
- 3.- В Калькутте/Индия/. Черкеска притягивает взоры. Храм богини Кали /богини мести/.
- 4.- Разные картинки в Калькутте.
- 5.- На юг, по неведомой нам Индии.
6. Конец 2-х годичного контракта. Приезд из Парижа жены с сыном. "Буаля, мон Пала!" - сказал он по французски, увидев меня в папахе.
- 7.- Мы движемся на север, к Бомбею. Парад Магараджи.
- 8.- В Бомбее. Башня молчания. Грифоны.
- 9.- Вновь в Индокитае. Коломбо, Сингапур, Сайгон.
10. Вторично в королевстве Камбоджа. Похороны /сожжение/ принцессы, сестры Короля.
11. Турне по Кохиншине. Река Меконг. Конец работы. Переезд на жительство в Шанхай.
12. Вновь приглашен в цирк. В Хонг-Конге. Мой новый конь "Блек быоти" /Черный красавец/.
13. В Маниле. Турне с цирком по Филиппинским островам. Из разных наблюдений там.
14. Вновь на Малайский полуостров - Сингапур, Малакка, Куала-Лумпур, Пенанг.
15. Переезд на остров Суматра /Голландская Индия/. Столица Медан и другие города острова.
16. О разнице колониальных порядков.
17. С началом 2-й Великой войны - цирк закрылся. Новый этап жизни. Я лейтенант Иностранного Легиона Французской армии в Индокитае. Атака японцев. Легион отходит в Китай. Последний бой. Ранение. Плен. Освобождение. Возвращение во Францию. Демобилизация. В 1947 и 1948-м годах - вновь "на коне" в джигитовке по Голландии и Швейцарии. В 1949-м году - мирный житель в Америке, в Нью-Йорке.
18. Приложение - три географических карты маршрутов в джигитовке по Индии, Филиппинским островам, Малайском полуострове и Кохиншине в 1936-1939 годах.

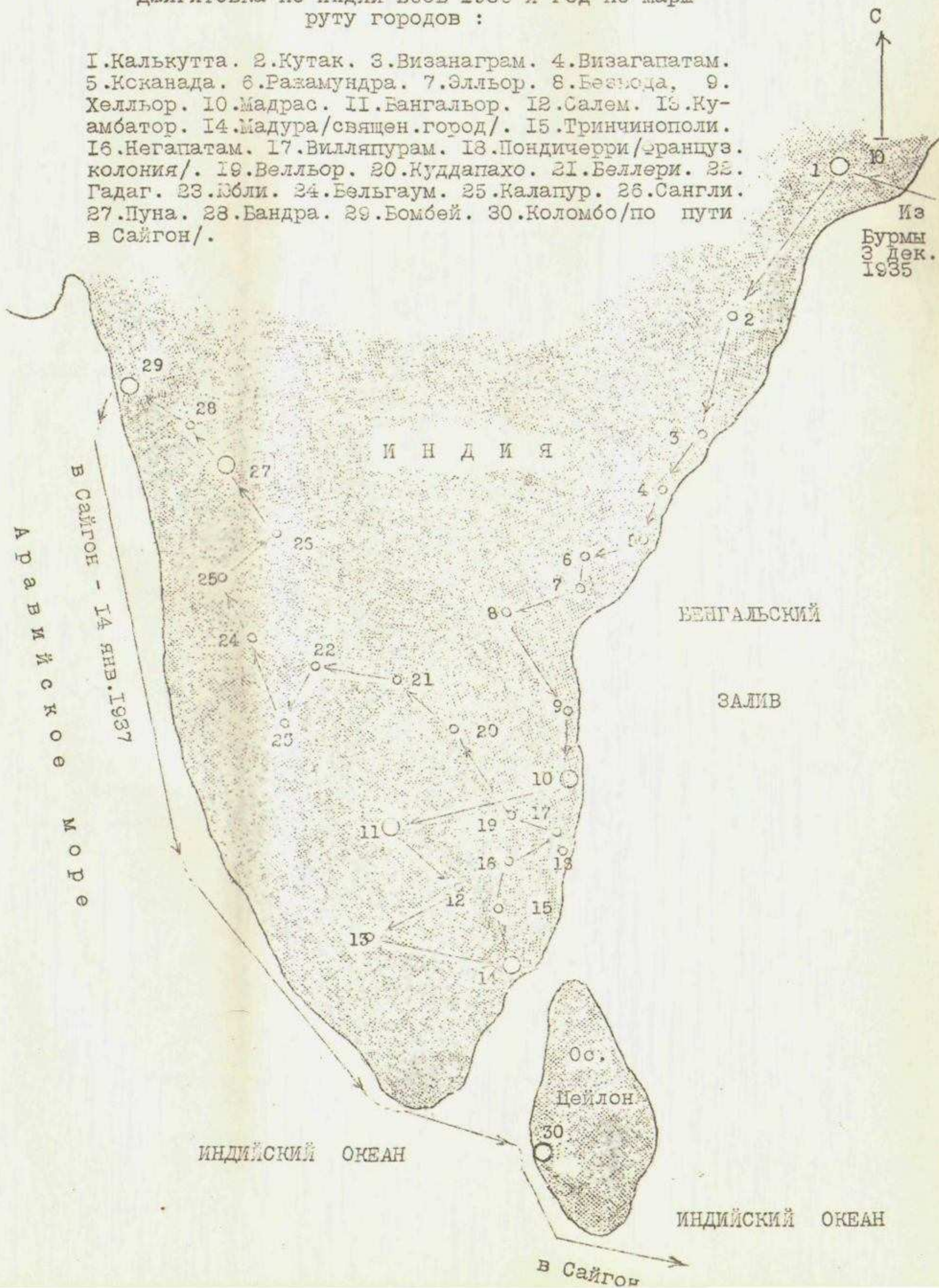
Цена брошюры один доллар. Выписывать по адресу: Mr. Theodore Elyseev, 66 Ft. Washington Ave, Apt. 25, New York, N.Y. 10032

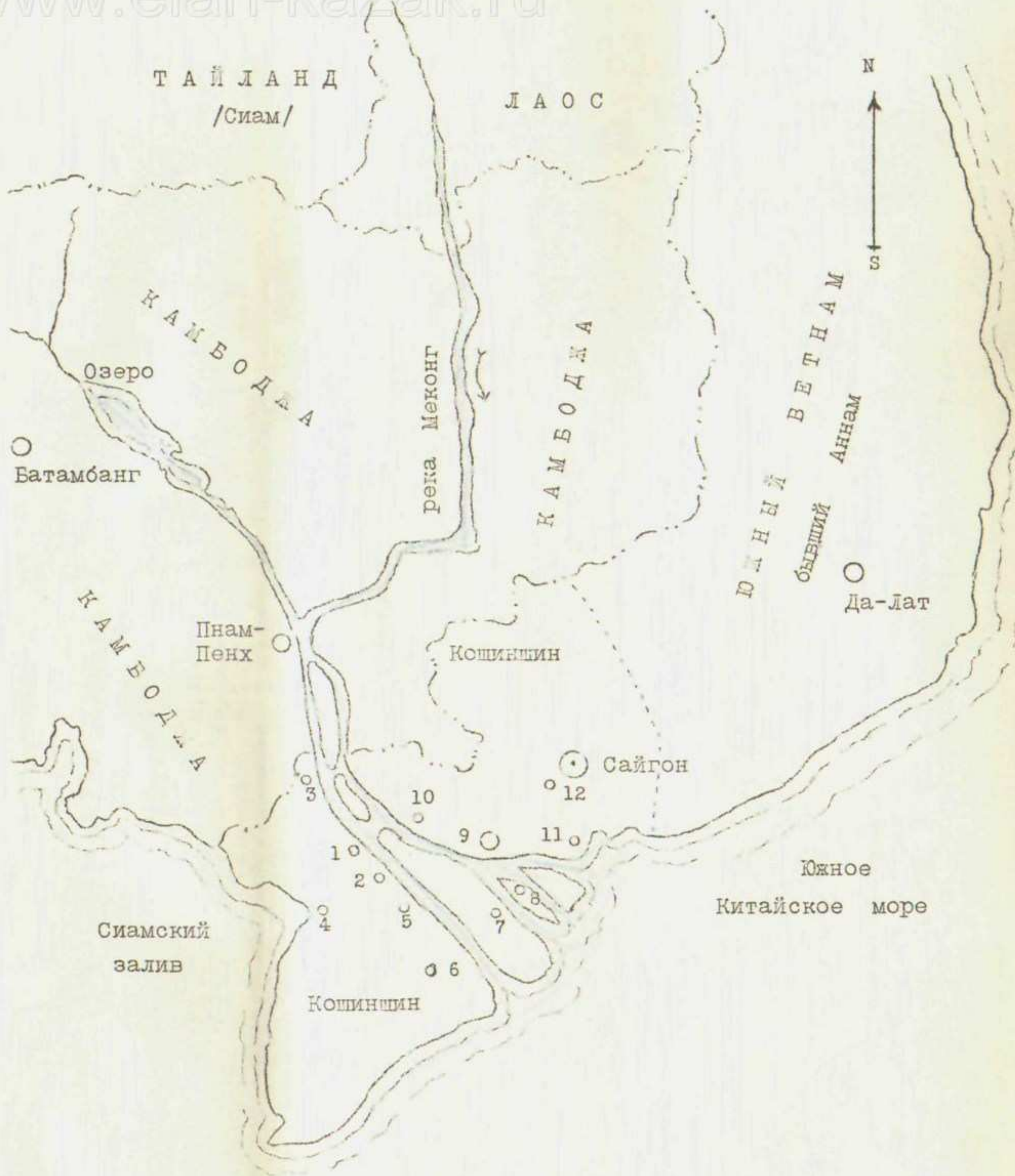
Написано и будет выпущено до десяти брошюр - ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ. В них: - Исторический очерк бывшего начальника училища генерала Михеева /Донской казак/ и весь о б л и к училища в 1910-13 годах по сыновьям переживаниям к Родному училищу, автора сих строк.

Выпуска 1913 года, взводный портупей-юнкер, Ф. Елисеев.

Джигитовка по Индии весь 1933-й год по маршруту городов :

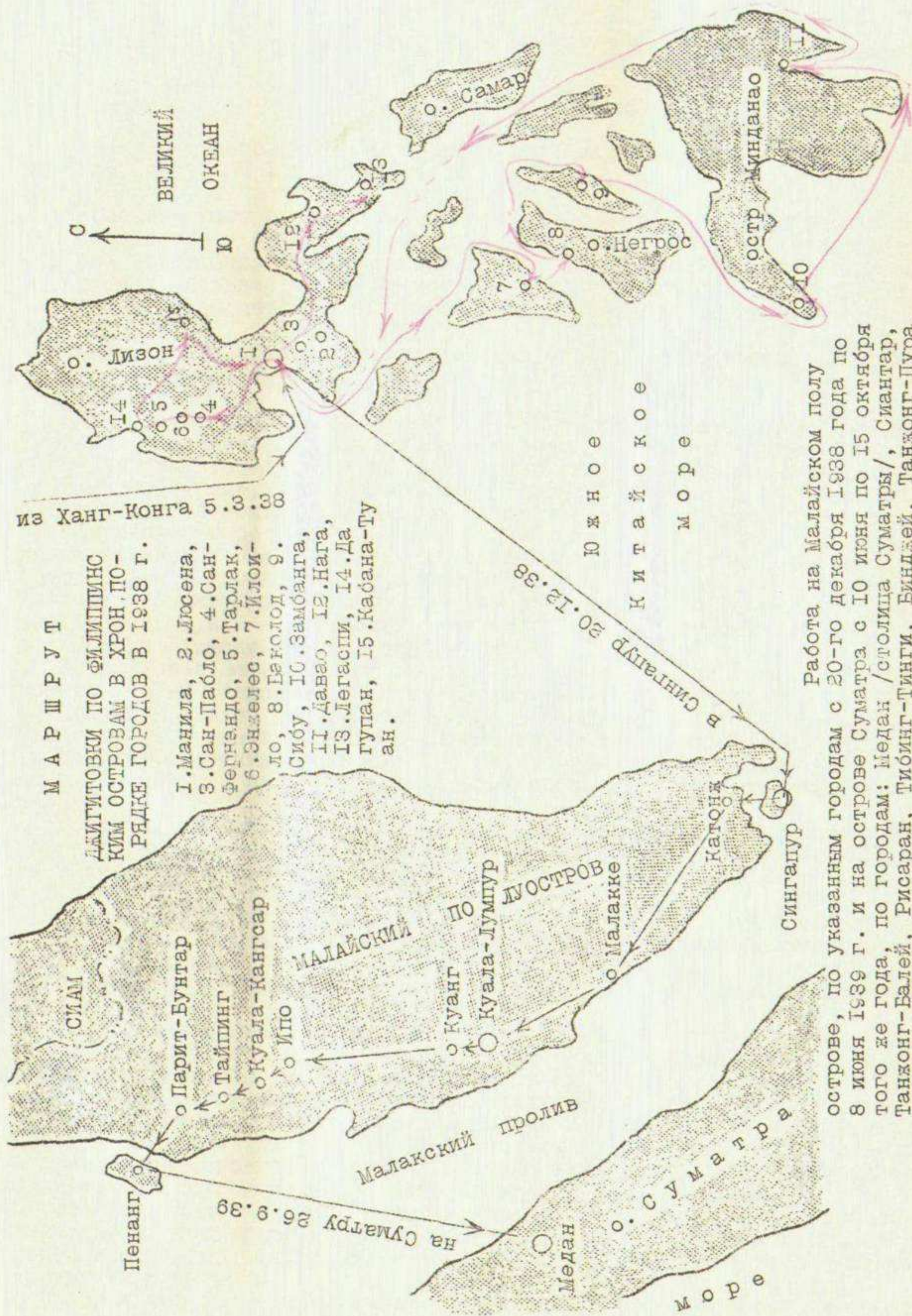
1. Калькутта.
2. Кутак.
3. Визанаграм.
4. Визагапатам.
5. Ксканада.
6. Рахамундра.
7. Элльор.
8. Безвода.
9. Хелльор.
10. Мадрас.
11. Бангалльор.
12. Салем.
13. Куамбатор.
14. Мадур/священ.город/.
15. Тринчинополи.
16. Негапатам.
17. Вилляпурам.
18. Пондичерри/француз. колония/.
19. Велльор.
20. Куддапахо.
21. Беллери.
22. Гадаг.
23. Ёбли.
24. Бельгаум.
25. Калалур.
26. Сангли.
27. Пуна.
28. Бандра.
29. Бомбей.
30. Коломбо/по пути в Сайгон/.

Джигитское турне по Кошиншине /Индокитай/ в 1937-м году
по городам:

1. Лонг-Хуен, 2. Садек, 3. Шодок, 4. Рачкия, 5. Канто,
6. Сотранг, 7. Травинг, 8. Бентре, 9. Мито, 10. Винлонг,
11. Гоконг, 12. Полон.

МАРШРУТ

ДЕЛГИТОВКИ ПО ФИЛИППИНСКИМ ОСТРОВАМ В ХРОН. ПОРЯДКЕ ГОРДОВ В 1938 Г.

1. Манила, 2. Люсена,
3. Сан-Пабло, 4. Сан-Фернандо, 5. Тарлак,
6. Энзелес, 7. Илоило, 8. Беклод, 9. Сибу, 10. Замбанга,
11. Давао, 12. Нага, 13. Легаспи, 14. Дагупан, 15. Кабана-Туан.

из Ханг-Конга 5.3.38

В СИНГАПУР 20.12.38
ЮЖНОЕ КИТАЙСКОЕ МОРЕ

на СУМАТРУ 26.9.38

Работа на Малайском полуострове, по указанным городам с 20-го декабря 1938 года по 8 июня 1939 г. и на острове Суматра с 10 июня по 15 октября того же года, по городам: Медан /столица Суматры/, Сиантар, Танжонг-Балей, Рисаран, Тибинг-Тинги, Бинджей, Танжонг-Пура, Пангкалан-Бранданг и вновь Медан.

НА КОНЕ ПО БЕЛУ СВЕТУ /брошюра №3/.

ОТ КОГО И ОТЧЕГО ЗАРОДИЛАСЬ "ДЖИГИТОВКА"?

Редактор одного военного журнала, прочитав мои обе брошюры "На коне по Белу Свету" №№ 1 и 2-й, пишет:

"Описание Ваше о джигитовке - заставили меня призадуматься: - а действительно - откуда-же эта самая джигитовка взялась? И почему-же она называется "джигитовкой", то-есть, от слова "джигит", когда джигитуют, оказывается, и Оренбургские, и Амурские и Донские казаки??? А?...? Не сможете-ли Вы этим вопросом заняться поглубже?"

Автор письма прав. Никто, да и мы, казаки, не задумывались - откуда-же, от кого, и почему мы переняли джигитовку? Да и переняли-ли?

Как писал в предыдущей брошюре № 2-й - все кочевые народы Сибири, Туркестана и, даже, наши оседлые горцы всего Кавказа, в Императорской России - не джигитовали. Да и не выставляли России своих конных частей,

В мирное время, до 1914 года, существовал Туркменский конный дивизион, стоявший возле Асхабада и входил в нашу Отдельную Закаспийскую казачью бригаду, которую составляли полки Кубанского Войска - 1-й Таманский, стоявший в селении Каши возле Асхабада, 1-й Кавказский, имея штаб полка в городе Мерв с двумя сотнями, а остальные сотни - в крепости Кушка, в селении Тахта-Базар и на посту в Пуль-э-Хатуме, т.е. по Персидской и Афганской границам, и 4-я Кубанская казачья батарея, - в местечке Каахка. Все это было в Закаспийской области, в Туркестане.

Существовал Дагестанский конный полк и Осетинский конный дивизион, которые, с 1-м Кизлярско-Гребенским полком Терского Войска и с 1-м Енаутеринодарским полком Кубанского Войска - составляли 1-ю Кавказскую казачью дивизию и имели стоянки в разных городах Северного Кавказа.

Все эти туземные части служили не по мобилизации, т.е. не были призваны на службу, как это было у казаков, а составлялись из добровольных начал.

Всадники не джигитовали, но похвальное слово "джигит" у них было распространено, в понимании смелого лихого наездника, но ничуть "ни акробата в седле", как это было принято название у казаков, именно - **з а д ж и г и т о в к у**.

Можно быть отличным **н а е з д н и к о м**, т.е. - легко, свободно, красиво сидеть в седле, смело брать всевозможные препятствия, отлично управлять лошадью и... не быть **д ж и г и т о м**.

И наоборот: - были плохие наездники, как я указал выше, но были отличными джигитами.

Примеры: в нашем джигитском мире за границей, начиная с 1925 года, в группы поступили молодые казаки, которые не проходили на Кубани, да и на Дону, строевой службы по молодости своих лет. Некоторые из них стали выдающимися джигитами, в особенности в цирках, но "на прямой", т.е. на стадионах - плохо управляли лошадьми, сидели скверно в седлах, поводьями задегивали коней, на карьере круто останавливали их - рвали им рты, а при неудаче своего "номера" - считали виновницей свою лошадь, хлестали плетью ее по голове и, при этом, на виду у всей зрителей.

Штатский человек этого может не понять, но всякий конник, будь то кавалерийский офицер, или солдат кавалерии, офицер, урядник и кадровый рядовой казак - подобными обращениями со своей лошадью такого джигита - должен во мутиться.

Наездничество и джигитовка - разные понятия, как и сфера действий.

И никто из них не постиг владением шашкою и пикою. Для этого нужна школа и - долгая школа.

Казачья джигитовка - это красочный полет, это шедевр умения владеть конем "без повода" /руки ведь заняты/, слиться с ним воедино и представить с ним высший культ верховой акробатики.

Работа ценится только на полном карьере лошади, когда она более опасна, но зато - более эффектна.

Не буду вдаваться в историю, но с древних веков, на юге не существовавшей тогда еще Российского Государства, обитали кочевые народы скифы. Потом образовалось большое Хозарское Государство. Потом из Сибири и Туркестана появились воинственные кочевые орды - гунны, печенеги, половцы. В 13-м столетии оттуда появились могущественные монгольские орды Чингис-хана и завладели всем югом, до Карпатских гор включительно. Все смели они на своем пути, а отойдя назад - образовали Крымское, Астраханское и Казанское Царства. Покоренное Московское Государство - платило им дань.

Не вдаваясь в историю происхождения казачества - в те периоды веков, за Днепровскими порогами, выявилось Запорожское казачество, находившееся в номинальной зависимости Польского Короля, а на Дону - Донское казачество.

Не вдаваясь в разсуждение - каковы были взаимоотношения Запорожского Войска с Польским Государством, а Донского Войска с Московским, но - эти два Казачьих Войска являлись независимыми ни от кого в кровавой борьбе против монголо-татарских орд в своих районах.

Татарское иго, как пишет Российская история, продолжалась 250 лет. В эти века и после - казачество вело кровавую войну с порубежными монголо-татарскими ордами, обороняясь и нападая на них.

И печенеги, и половцы и монголо-татары разных орд были сплошь конница, природные кочевники-наездники, оружие коих было - лук со стрелами, копье, кривая сабля, да волосяной аркан. Все у них разрешалось в быстрой скоротечной рукопашной схватке и финал ее - изрубленный враг или пленник на аркане... И естественно - в широких южных степях, активному храброму дерзкому врагу, казачество должно было противопоставить соответствующие качества и методы нападений.

В дикой смертельной схватке двух равноценных врагов, когда, даже, момент решал победу или гибель - все было исключительно важно: - увернуться-ли во время от шашечного удара, схилиться-ли на бок лошади от острия пика, схватить-ли на карьере уроченное оружие... При неожиданном нападении метнуться-ли в седло на разгоряченного испуганного своего коня, подхватить-ли и увезти с собою, не выдав врагу, раненого брата-казака.

Вихрь смерти всегда витал над казаками и твердил им - "братец... не зевай?"

И вот, живя многими веками в такой жестокой обстановке, где степной простор и табуны коней ретивых, которых надо охранять или у противника отбить в набеге, где всегда носилась смерть или победа - казачья удалая на коне с пронзительным смертельным гиком - веками выработала в нем то, что теперь называется: - д ж и г и т о в к о й.

В середине 16-го столетия, при Царе Иоанне Грозном, были завоеваны и присоединены к Московскому Государству Казанское и Астраханское татарские Царства. Линия Государственных укреплений, в виде Казачьих поселений, с Дона, протянулась на северо-восток. Вновь невдаваясь в историческое

исследование /когда, как и почему?/ - на правом берегу реки Урала выявилось Уральское Казачье Войско /тогда назывались река Яик и Войско Яикское/. Дальше, на север по Уралу - образовалось Оренбургское Казачье Войско, и повернув круто на восток и юго-восток - Сибирское Казачье Войско.

За реками Уралом и Иртышем - находились независимые владения киргизов. Дальше - Хива, Бухара, Коканд, которые завоеваны были Россией только в конце 19-го столетия, а именно - Бухара в 1868-м, Хива в 1973-м, а Коканд в 1876-м году.

И вот, в течении более 2-х столетий, вся борьба со всеми этими Туркестанскими Государствами, при поддержке Российских войск - лежала на Уральском, Оренбургском и Сибирском Казачьих Войсках. Борьба была долгая и упорная. Набеги с обеих сторон, грабеж и разорение как аулов, кочевий, так и казачьих станиц являлись горьким результатом борьбы. Здесь, как и на Дону, на Кубани и на Тереке - выработывалась в кровавой борьбе казачья сметка и сноровка - фундамент будущей джигитовки этих Войск.

Но... довольно приведения исторических справок. Думаю, и не сомневаюсь, что - когда Казачьи полки вошли в состав Российской регулярной Армии, то казачья ухватка, лихость и молодечество в седле - превратились в казачий спорт, названный д ж и г и т о в к о й, от слова д ж и г и т.

Думаю, это слово, определяющее наездничество, перенято от наших Кавказских горцев, черкесов или абардинцев, которое они произносят "джигут".

В Татарских же ордах, героев и наездников, называли "батырь", соответственно русскому "богатырь".

В энциклопедическом словаре Ф. Павленкова, издание 1913 г. в Санкт-Петербурге, сказано так:

"Джигитование - джигитовка, искусное наездничество, распространенное между горцами". Сказано коротко и неопределенно.

В "Словаре иностранных слов", под редакцией И. В. Лехина и профессора Ф. Н. Петрова, Москва 1949 года, сказано более определенно:

"Джигит" - тюркское слово. На Кавказе - искусный и отважный наездник.

"Джигитовка" - разнообразные сложные упражнения на скачущей лошади у Кавказских горцев, казаков и др.

Здесь сказано более точно и правдиво.

Интересно еще то, что у всех степных казаков, начиная с Дона и кончая Уссурийским Войском; для подхватывания предметов, папах или фуражек, расброшенных на земле во время джигитовки - имеется специальный ремень, под животом лошади схватывающий оба "путлища", на которых висят стремяна. Ремень этот называется "скашевка", что означает - "для скашивания на бок лошади", для подхватывания предметов. Возможно, он был введен, этот ремень, скашевка, еще в старину и не для джигитовки, а для боевых схваток.

В седлах Кавказских горцев и у казаков Кубани и Терека, таких "скашевок" нет. Для подхватывания предметов на земле - путлища со стремянами продеваются под среднюю подпругу седла, которая является "двойной" на четверть ниже подушки.

Скашевка степных казаков - практичнее; и на джигитовке за границей, мы предпочли ее. Мне же она была отлично знакома еще по юнкерским годам Оренбургского казачьего военного училища 1910-1913 годах.

- * -

Прошли кровавые века и джигитовка среди казаков всех Войск - стала конным спортом. Ее смотрели с восторженными душами все - и Императоры Российские, и люд простой крестьянский и сами-же казаки. Когда-же казачество, израненное в наши годы лихолетия появилось зарубежом - оно, в по-

рыве своих лучших чувств строевого казачества - вновь метнулось в седле, и "на конях по белу свету" в джигитовке, показало доподлинный лик казака, что дороже всяких политических деклараций и земных богатств.

- * -

Проживая в Финляндии в первые свои годы эмиграции, читал я книгу о военных распоряжениях, после замирения в Туркестане. Скобелев, впоследствии прославленный "Белый Генерал", в то время был, кажется, в штаб-офицерском чине. По своей службе при покорении Туркестана, он был связан с казаками Сибирского Войска. В книге "Сибирский Казак", выпущенной в Харбине в 1934-м году, сказано, что - "В 1870-м году, штаб-ротмистр Михаил Дмитриевич Скобелев, командовал 9-ю Сибирской казачьей сотней" /стр.85/.

Вообще, при покорении Туркестана, он близко был связан с казаками. И вот - будучи начальником гарнизона какого-то городка, приказом по нем, он запретил в сотнях заниматься джигитовкой, находя ее ненужной; казаков же обучать только стрелковому делу. Приказ был точный и определенный, чему я был очень удивлен. Маль что не могу точно назвать эту книгу, как необходимую справку. Отважный лэин, коим был Скобелев, сокращал отвагу казаков.

Н А Б У Р М Е. Продолжим турне "на коне"...

По Малакскому проливу на север, потом по Андаманскому морю, наш пароход вошел в дельту широкой реки. 25 октября причалили к пристани. То был город Рангун. Мы вошли в государство Бурма, находившееся под протекторатом Великой Британии. Рангун - его столица.

Что резко бросилось в глаза - это много "пагод"-храмов, с очень высокими, конусообразными, определил-бы, куполами. Но это не так... Это были высокие пирамиды, своим острым шпилем-пиком, тянущимся к небу. Куполы-шпили вызолочены, потому ярко блестят на солнце.

Таможня. Тщательный осмотр нашего багажа, в особенности у индусов, с некоторым пристрастием и подозрением к ним. Чиновники таможни англичане, корректные с европейцами, но твердые в исполнении своих обязанностей.

Город красив. Ровная широкая улицы. Пальмы украшают их по тротуарам своими стройными рядами и своею природной высокой стройностью. В городе рикши и такси, но немного. Что удивило в противовес азиатским городам, так это - на улицах нет праздного народа и шума. Не видно и нищих. Тип людей походит больше на монгольскую рассу. Есть и индусы, а в общем - какая-то мешанина, в чем проезжему европейцу неразобраться.

Посетили знаменитую "золотую пагоду" - высший духовно-религиозный храм на всю Бурму. Она, действительно, величественна. Занимает целый квартал. Построена на самом высоком месте города, на горке, почему еще далеко издали видна на несколько верст, как бы приподнятая надо всеми высокими домами города. Внешне, впечатление величественное. Вход в нее допускается только босыми ногами. А когда нам сказали, что, даже, принц Виндзорский при своем посещении должен был снять свои ботинки и войти в нее "босыми ногами" - нам она показалась таинственной в своем религиозном величии.

Мы там. Вход в нее по широкому длинному проходу вверх, по грубым каменным плитам. На первой же площадке - предложили снять обувь. Зная это, чтобы не унижить черкеску, т.е. - быть в черкеске и босым - прибыл в гимнастерке-рубашке. Сняв чевяки и носки, сдав их на хранение - стали подниматься в самое "святое святых" - босиком, но... в ногавицах.

Принимая эту святость входа в главный Буддийский Храм здесь - были

разочарованы и огорчены. Вход-лестница около 10-ти метров ширины с пологими плитами-ступеньками, она, видимо, редко когда подметается. На ней много пыли и бумажных отбросов, а по сторонам ее - торговцы фруктами и азиатскими сладостями, словно на базаре. Все грязно и примитивно. И никакой святости на лицах торговцев.

Поднялись на главную площадь Храма, откуда начинается сам купол. На ней десятки "малых пагод" темного камня, которые, как часовне, словно охраняют внутренний вход в главную пагоду. Все они в ажурной резьбе по камню. Все они шпилями вверх - тянутся к небу.

Мы в главном святилище. Везде Будда, Будда, в разных позах, в два-три человеческих роста. Вот он лежит на пьедестале, словно отдыхает, облокотившись на правую руку. При нас никаких проводников. Да и вообще - нет посетителей. При нас автоматический фотографический аппарат. Став у его изголовья и ног - снялись "для памяти" - в ногавицах, но без чевяк и носков. Забавный вид... Вышли из нея с пустой душой. Ничего религиозного и таинственного. Возможно, что это на взгляд европейца, к тому же православного.

Столица Бурмы был тихим городом. Европейца на улицах не встретишь и только по вечерам, в цирк, приезжали они на собственных автомобилях, веселые, самоуверенные нарядные: - дамы в длинных вечерних черных платьях, мужчины в смокингах. Занимали только ложи. В них столики и... виски-сода.

То были англичане, властители сих мест. Дирекция цирка встречала их очень почтительно. Да и артистам работать перед культурными людьми было приятно. Такова психология европейца в Азиатских странах.

Следующий крупный город Бурмы был Мандалей. Он расположен на той же реке как и Рангун. Железных дорог нет. К нему цирк может быть переброшен только по реке, вверх по течению. Дальше, на север, к Китаю - сплошные горно-лесистые джунгли. Тупик света... и дирекция не рискнула забираться туда. После пяти недель в Рангуне - цирк взял направление в Индию.

В К А Л Ь К У Т Т Е. ЧЕРКЕСКА ПРИТЯГИВАЕТ ВЗОРЫ...

На пароходе пройдя Бенгальский залив и войдя в устье священной реки Ганг, цирк выгрузили в Калькутте. Как всегда, артисты сразу же выехали на рикшах в город, нанять квартиры. Останавливаются группами и семьями. Все имеют свои кухни. Проводив жену во Францию за сыном - я был одинок, почему и остановился в гостинице Континентал, 12 Шоврингги Роад, являющейся чисто европейской, а Ш. Роад - центральная широкая улица города.

Цирк строится 2-3 дня. Артисты свободны. Свободны и мы, казаки. Вечером спускаюсь в бар. Про торный салон. Низкие столики, диваны, сиденья. У самого бара - высокие стулья. На них до десятка молодых англичан в черных костюмах что-то пьют и оживленно говорят. Среди них единственная дама. В одиночестве, сел в отдалении за столик и что-то заказал. Не прошло и несколько минут, как от бара отделяется молодая дама, блондинка среднего роста, хорошо сложена, подходит ко мне и обращается на чистом русском языке:

"Вижу, что Вы казак. Я вдова есаула Грекова, офицера Лейб-Гвардии Казачьяго полка Донского Войска, убитого в бою против красных в 1919 году... теперь жена капитана в отставке Британской армии... позвольте представиться и пойдете к стойке - с Вами хотя бы познакомится друзья моего мужа, так же отставные офицеры".

Это было так неожиданно и приятно, не имея никого знакомых в столице Индии, где был сосредоточен весь мозг администрации по управлению этой страной!... Кроме того, что она была жена офицера-казака, усиливало радость

Спросила - "Кто Вы?"... Коротко представился - как полковник Кубанского Войска и кадровый офицер Российской Императорской армии. Услышав это, она дружески улыбнулась и весело добавила:

"Кроме того, что я была жена офицера Донского Войска - я дочь полковника №... гусарского полка /она назвала полк, который я забыл/ так-же Российской Императорской армии".

Это был, словно "пароль". У нас сразу-же нашелся "общий язык" и она, активно взяв меня под руку, повела к бару и представила "людям в штатском", назвав мой чин. Все они сошли со своих ~~высоких~~ стульев бара и подавая руку для пожатия - щелкали каблуками...

Они заинтересовались участием казаков в 1-й Великой войне 1914-17 гг. Для удобства в разговоре - заняли круглый низкий стол. Подали напитки. У меня отличная переводчица. Все корректно, вежливо. При расставании - все дают мне свои визитные карточки. На них указаны их чины: - капитаны и лейтенанты, хотя все они, как и муж этой дамы, служат здесь в коммерческих предприятиях. На мой вопрос бывшей вдове есаула Грекова - "почему на карточках проставлены чины, когда все находясь в отставке и служить в коммерческих предприятиях" - она ответила:

"Все англичане очень дорожат своими офицерскими чинами и, находясь в отставке, считают себя на службе своей Великой Британии".

Мне это очень понравилось.

На другой день, на такси, при ее содействии, осмотрел некоторые достопримечательности Калькутты. Посоветывала посетить "Храм Кали"/ударение на "а"/ - Храм Богини Мести - как он называется. Сопроводить же отказалась, пояснив:

В ХРАМЕ БОГИНИ МЕСТИ.

"Там фанатичная чернь индусов, главным образом женщин. Европейцам не рекомендуется посещать это место, где производятся кровавые жертвоприношения этой... Богине... в особенности не рекомендуется посещать нам, английским Леди"... подчеркнула она. "Но Вы поезжайте... это почти на окраине, в индусской части города".

С войсковым старшиной Андрей Петровичем Крикливым - едем туда. За железной оградой - небольшой двор. Входим в него. В нос ударило какое-то отвратительное испарение. Во дворе небольшая толпа простых женщин-индусок в своих длинных до пят "сарис" разных цветов, но не праздничного вида. Это была настоящая "чернь", как сказала бывшая мадам Грекова. Эта чернь удивленно посмотрела на нас, но не злобно. Возможно, что нас в черкесках и папахах, она приняла за "азиятов". Небольшой мрачный храм был переполнен. Оттуда и слысь какия-то тяжкие вздохи, молебны или печали - нам непонятно. А может быть и просьбы - у Богини Мести. В храм войти мы не решались...

Под ногами у нас скользко. Это кровь от животных, приподнесенных в дар этой Богине...

А вот и жертвенник и жертвы... Два прочных колышка в один метр высоты прочно вбиты в землю, с легким разветлением наверху. Возле них полуголые окровавленные босые индусы в грязных тюрбанах и с большими ножами в руках. Возле них маленькие худые козлята. Получив стоимость за козленка - "жрец" приподнимает жертву, пропускает шею жертвы между колышками так, что-бы голова ее была по одну сторону колышков, а туловище по другую и... .. приподняв голову беспомощного козленка - быстро отрезает ему голову и тут-же бросает на землю, а трепещущее тело жертвы - падает назад....

Картина отвратительная. Тут-же валяются на земле головы жертв, внутренности и их шкурки. Под ногами везде кровь, кровь... Пробыв всего лишь несколько минут в этом странном храме "Богини Мести" - мы с удовольст-

вием вышли вон, на свежий воздух.

Непонятная и странная религия, возможная только в примитивной душе первобытного человека. "Красочная Индия", в моих глазах тускнела.

"Я Вас угощаю обедом в первоклассной гостинице здесь. Приходите Федор Иванович с Андрей Петровичем... но оденьтесь как можно шикарней", говорит мне хозяин цирка и загадочно улыбается.

В черных черкесках при белых бешметах, при тесьмах через плечо - мы вошли в роскошную столовую. Почти в центре, за столиком, сидел хозяин во фраке, куря сигару. Почти рядом с ним, за большим столом, обедали несколько Магарадж с семьями. Мужчины в пышных белых тюрбанах с золотой конусообразной макушкой в ней, в белых шелковых сюртуках-чекменях ниже колен. Молодые, красивые, с правильными чертами лица и с густыми черными усами в стороны. Их жены так же в шелковых, нежных цветов "сари" - тонкие, узко-костные, красивые и изящные брюнетки с точеными профилями. У них за столом тишина и восточная чопорность. И если мы с Крикливым любопытно вперились в эту живую картину из сказки "Тысяча и одна ночь", то и они, "стол Магарадж" - повернулся в нашу сторону и с любопытством и удивлением рассматривал "двоих в черкесках" при дорогих кинжалах с вызолоткой, при поясах с наконечниками ажурной работы. Думаю, что стол Магарадж не знал, что мы есть два казака с Кубани. Эта подробность не есть определение нас. Но что эти два неведанные им казаки или горцы Кавказа, думаю, они поняли.

Обед тянулся долго. Украдкой, короткими взглядами, как бы незаметно, - мы рассматривали их, а они нас. А выходя из столовой, уже в дверях, некоторые Магараджи, повернувшись к нашему столу - еще раз посмотрели на нас изучающе. Люди в черкесках притягивали взоры...

"Узнав, что в моем отеле остановились Магараджи с семьями, я умышленно пригласил Вас на обед, что бы перед ними прорекламировать мой цирк с выступлением в нем казаков", смеется хозяин цирка и заказывает еще что-то..

КАРТИНКИ В КАЛКУТТЕ - СТОЛИЦЕ ИНДИИ.

Мы на главной улице-проспекте, где находится дворец-резиденция Вице-Короля Индии Британской Империи. По ней движется импозантная процессия индусов, женщин и мужчин в красочных своих национальных костюмах. Посреди нее высокий белый катафалк, запряженный прекрасными рослыми белыми лошадьми четверкой, на унос. Впереди и по бокам несколько всадников в пышных тюрбанах, в чекменях разшитых галунами, с седыми густыми бородами, завитыми под подбородок. Они на рослых сильных горячих лошадях. В руках у них обнаженные кривые сабли, которыми они размахивают в воздухе. Что это? - мы не знаем. Видимо похороны богатого и знатного индуса. Во всей картинке - что-то сказочное. Но, как парадокс, тут же, на тротуарах, у домов, перед нарядно одетой толпой гуляющих - стоят, сидят, лежат нищие с многочисленными язвами от проказы по всему телу, жалобно просящие подаяние...

Здесь, на главном Проспекте, на перекрестках улиц - стоят по два полицейских индуса, одетые во все защитного цвета и с такими же тюрбанами на головах. Вдруг раздались свистки и все движение моментально прекратилось. Напротив раскрылись широкие железные ворота за железной решеточной стеной и мощный закрытый автомобиль, пройдя их - быстро двинулся вдоль Проспекта. То выехал Вице-Король Британской Индии куда-то в город, безо всякой охраны. Полицейские вытянулись "в струнку". Но их свисткам движение автомобилей и экипажей началось лишь тогда, когда Вице-Король скрылся далеко от своего дворца.

Рядом с нами Отель-ресторан с Кавказским названием. Заинтересовавшись, вошли в него. Молодой хозяин армянин родом, вполне европеизированный под англичанина. Предки его старожилы здесь. Они давно Британские граждане. По-русски не говорит, но бегло говорит по-французски. Обрадовались мы, видя в нем, все-же, как бы своего соотечественника с Кавказа. Он угощает нас водкой на бутылке которой, по-русски написано: - "Водка АРАРАТ".

"Откуда это?" - радостно спрашиваем и получаем ответ:

"Мой брат священник Армяно-Григорианской церкви в Эчмиадзинском монастыре в России. Приезжал в гости и привез этот подарок".

Разговорились. Оказывается, здесь в Калькутте, большая Армянская колония. Есть своя церковь. Рекомендует посетить ее, т.к. этой церкви насчитывается много-много веков.

В Воскресенье мы там. Типичные армяне и армянки, но не сельского вида, а городского. Все очень хорошо одеты. Церковь во дворе, за решетчатой железной оградой. Двор очень чистый и весь вымощен плитами. Каково же было наше удивление, когда увидели, что это не плиты, а гробницы их священнослужителей, похороненным здесь. Все надписи на армянском языке. Не прочесть - кто они? Но, даты их смерти? ... некоторым свыше 500 лет. Восторг и удивление.

- * -

На тропиках очень мало русских. В некоторых городах встречали единицы, а в других городах - их совсем нет. На Яве маленькая колония. Нет ни церкви, ни священника. Иногда из Шанхая приезжает кто-то из духовных лиц и в частном доме служат обедню, крестях, отпевают умерших. Возглавлял колонию полковник Владимир Александрович Петрушевский, военный поэт, Александровский гусар. Коллежционер. Из Владивостока вывез богатую военную библиотеку своего деда-генерала. Подружили с ним, как военные. Он выпуска Николаевского кавалерийского училища 1911 года. Родом Уссурийский казак, почему окончил сотню юнкеров, вышел хорунжим в свой Уссурийский казачий дивизион. Перед войною перевелся по личному желанию в Александровский гусарский полк. Нашлись общие знакомые офицеры и сослуживцы. Все это было очень приятно ощущать, находясь так далеко от своего Отечества.

В Хонг-Конге возглавлял тогда, в 1934-м году, когда мы там джунитовали, капитан 2-го ранга Афанасьев, бывший командир корабля ОРЕЛ. Одновременно он был представителем и адмирала Хорвата. В Хонг-Конге была Русская Православная церковь. Что нас удивило, так это - дьяконом и регентом церковного хора был молодой юноша-китаец. Он отлично говорил по-русски и знал ноты. В наших понятиях, это не вязалось: китаец и православный... к тому-же дьякон.

В Индии, как оказалось, русских единицы. И только в Бомбее и Калькутте. Душа же всегда жаждала встречи с соотечественниками. И вот, в лабиринте улочек обширного закрытого базара в Калькутте, очень богатого и чистого во всем - с А.П. Крикливым видим пять человек парней в штатских рабочих костюмах, которые мрачно рассматривали разные товары, но не покупали их. Сразу определили, что это люди из красной России. Подходим и спрашиваем - "откуда вы хлопцы и как сюда попали?" ... Наш вопрос по-русски их опередил. Вопрос задали им в спину, когда они нас еще не видели. Глянув на наши черкески - они смутились, явно поняв, что мы не только что старые эмигранты, но и казаки. Ответили, что они моряки торгового флота, из Владивостока, прибыли за грузом. Отвечали нехотя и недоброжелательно. Один из них, маленького роста, рассматривая наши черкески с любопытством, спросил - "Кто вы?" ...

Ответили - "Кубанские казаки, джигиты" ...

Услышав это, маленький матрос в штатском, с заискивающимися от радости

глазами, вдруг произносит:

"Я тоже с Кубани, станицы Дядьковской... а фамилия моя Рева".

Это было так неожиданно и приятно для нас, что мы сразу же перешли на распросы - "как там у нас на Кубани?"

Он начал хвалить, что все есть и прочее... и живетя всем там хорошо. Он мешает русский язык с черноморским и мы видим, что он есть типичный наш черноморский казак. На наш вопрос - как он попал во Владивосток с Кубани? - смутившись, ответил: - "та був командирован"...

Разговор пошел более откровенный. Остальные парни молчат и недроброедушно слушают наш разговор, как и недружелюбно смотрят на нас. Потом один из них грубо произносит:

"Ну, довольно трепаться.... пойдете от них". И взяв за руку казака Реву, потащил с собою.

А вот вторая встреча. Из Парижа, сюда был командирован инженер Эммануилов, с женою. Культурные люди. Гошу у них в номере отеля. Душею - он военный человек и двоюродный брат генерала Шатилова, бывшего начальника штаба в Крыму генерала Врангеля.

"А Вы знаете, что генерала Шатилова красные хотели похитить?" - вдруг говорит он. И рассказал.

"Брата вызвал по телефону его сверстник по Пажескому корпусу и просит свидания по важному делу. Он прибыл в Париж из Москвы. Остерегаясь западни, брат назначил ему свидание на людном бульваре. При этом просил меня занять невдалеке наблюдательный пункт и быть наготове. Так и сделали. Долго они говорили. Потом встали со скамейки и сухо расстались. Оказывается, этот его друг и сверстник, уговаривал его вернуться в Россию и там работать в военном красном штабе, закончил свой рассказ инженер Эммануилов, двоюродный брат генерала Шатилова.

Представления в цирке начались. Цирк переполнен. Много англичан. Приезжают только на своих машинах. Дамы в вечерних черных длинных платьях. Мужчины в смокингах. Все без головных уборов. Всегда все, как говорят французы - "а бон курраж", т.е. навеселе после принятых у них аперативов. Вся жизнь на тропиках только по вечерам, когда сходит дневная жара и люди собираются веселиться. И англичане веселиться любят и умеют. Все у них непринужденно и с личным достоинством. Как спортсмены - они всегда были заинтересованы в казачьем выступлении, и в лезгинке и в джигитовке. Европейский цирк здесь редкость, потому и посещаем с удовольствием.

Рядом с нами работает индусский цирк. Артисты почти все индусы. Цирк большой и богатый, но он мало популярен. Посетили и мы его. Что о нем сказать?!... Вялость в работе. Примитивность. На акробатах трико болтается как носильное белье. Работа их на гимнастических снарядах "по-обезьяньи" - ловко, увертливо, но никакой чистоты в номерах. К тому же, все они получают маленькое жалованье. Все это второстепенное и, даже, ниже...

Весело и приятно мы провели в Калькутте шесть недель нашей работы. Цирк снялся и по железной дороге двинулся на юг, по восточному берегу.

НА ЮГ, ПО НЕВЕДОМОЙ НАМ ИНДИИ. . .

14 января 1936 года цирк раскинулся в городе Кутак. Это уж глубокая провинция. Скученные дома, узкие улицы. Ничего европейского. Много примитивных лавочек. Чем обилён этот городок, так это жизнью здесь обезьян. Их рост кобаки, с тонкими туловищами, длинными ногами и хвостами. Живут они семьями в соседнем лесу и в самом городе, на крышах. Воруют у индусов все что попадается им под руку, в особенности овощи и фрукты в лавочках.

Ловкость и хитрость их исключительная. С карниза дома осматривает лотки внизу на улице с овощами или фруктами, быстро соскочит вниз и не успеет хозяин-индус повернуться, как обезьяна уж наверху крыши, держа в одной руке добычу, а на трех ногах-руках - уж ускользнула...

С одной крыши на другую, через улицу, они быстро перебрасываются тут-же, на глазах жителей. У индусов, они, словно домашние животные, но не ручные, а живут изолированно на крышах домов и тут-же в лесу. Никто их не притесняет и не гонит от себя. Возможно, что это мышление буддистов, как "непротивление злу". Индусы совершенно не злые люди.

Все крыши домов у них плоские, на которых свободно гуляют, отдыхают и спят эти обезьяны. Круглый год тепло, почему в домах нет ни рам со стеклами, ни ставень. Но все окна с железными решетками, именно, от воровства обезьян. Мотя от них никогда не убережешься. На наших глазах, одна обезьяна ухитрилась рукою-лапою выдернуть простыню через решетку. Быстро бросив ее под мышку - на трех ногах подскочила к своему семейству на соседней крыше, бросила себе под ноги и легла на ней. Джигит Митро Кривчун, неискушенный черноморский казак, был настолько удивлен этой картиной подобающего воровства, что схватил камень, бросил в них и выкрикнул:

"Нат-тэ вам, бисовой души!"

Обезьяны быстро схватились и перебросились на дальнюю крышу. Мы все смеемся, как и удивляемся и восхищаемся ими.

— • —

По железной дороге повернули к прибрежным городкам Бенгальского залива - Визанаграм, Визагапатам, Коканада. В каждом цирк работал по две недели. С артистами, с животным миром и с имуществом - цирк занимал полный железнодорожный состав вагонов.

Все эти три городка были похожи один на другой - скучные и не интересные. В них - ни одного европейца. Низкий песчаный берег. На нем своеобразные лодки индусов. Это есть лодки до десяти метров длиной и полметра шириной легкого дерева, на которых мужчины плавают и играют. Волна хлещет их, но они тут-же выскальзывают на поверхность воды.

По песчаному берегу, от нечего делать, прогуливаются молодые индусы. Они совершенно голые и только торо прикрывает короткий "сарунг-юбочка", жгутом переброшенная между ног спереди назад и там заткнутая за собственный обхват талии человека. В правой руке каждого валон овечьей пышной шерсти, а в левой деревянное веретено в две четверти длиной, которой они прядут шерсть в нитки по завету их политического пророка-деятели, Ганди. Нам это смешно, а у них это, и дело и забава.

Поездом повернули на юго-запад и цирк раскинулся в большом городе Ражамундра, в котором работали с 5-го до 16 марта. Следующие города - Элльор, Безвода, Хелльор и 14 апреля вошли в Мадрас - самый большой город на берегу Бенгальского залива. Он так-же чисто индусский город, очень расбросанный и только в центре было, что то похожее на благоустройство. Пыльно и жарко. Жарко и пыльно. Много индусской интеллигенции, учащейся молодежи, но и много беднейшего населения, чисто плебейского, рабского до примитивности, живущих за городом, в дырявых палаточках на кольях... Это парии, самый низший класс людей в Индии, никогда не моющий своего лица и тела, с длинными волосами на голове мужчин и женщин - никогда не чесанных гребнем... Во всем их облике, в полуголом теле темном и грязном - все от первобытного человека ископаемых времен...

Мы в городе. Промчался мимо нас закрытый черный экипаж, запряженный парой рослых гнедых коней. По обеим сторонам его дверцы со стеклом и с подножками. Это, что-то, от средневековья. На высоких козлах кучер и еще кто-то

Они в своих длинных чекменах. На головах пышные тюрбаны, но не блестящего и нарядного цвета. А позади, на запятках - два гайдука - молодые, стройные, так же в своих чекменах ниже колен и в тюрбанах, но более светлого и нарядного вида, чем кучер со своим помощником. Они в белых узких штанах ниже пят и без обуви, т.е. босиком. Они стоят на специальных подножках позади экипажа к его внешним сторонам и руками держатся за что то на уровне их груди. Со своего места они видят все, что от них по сторонам и впереди экипажа. Около одного дома кучер круто остановил лошадей. Гайдуки тут же спрыгнули со своих мест, бросились к дверце, открыли ее и почтительно поклонили головы перед вышедшими из экипажа двух пожилых индусов в полуевропейском костюме.

"Сказочная Индия" начинала мне все больше и больше не нравится своим резким контрастом между богатством немногих и наглядной нищетой и безправием остального населения.

Повернув на запад - цирк в большом городе Бангалоре. Он находится ровно посредине южной Индии между Бенгальским заливом с востока и Аравийским морем на западе. В нем мы с 12-го мая по 8-е июня. Времени много, что бы хорошо познакомиться с городом и его обитателями. Все та же непроглядная темнота народа. Вот какое-то религиозное торжество. На высоком подмостке с колесами - млад, и стар, и дети и женщины - тянут двумя крупными тяжелыми цепями "храм", величиною в 3-х этажный дом. Он деревянный, с причудливой резьбой. Он очень тяжел. Каждое кольцо цепи в два ладони. Колеса - сплошное дерево, т.е. без спиц и высотой выше моего роста на целую голову, как показывает снимок в моем альбоме. Тянут тихо, останавливаются, отдыхают и весело переговариваются. Уйдем от них в другой мир...

Здесь расположен гарнизон чисто Британских войск. Офицеры с семьями посетили наш цирк. У одного лейтенанта, жена русская, из Хонг-Конга. Пригласила в гости. Я у нея.

Выше среднего роста, стройная, красивая светлая шатенка лет 25-ти, склонная к полноте - по типу лица и телосложению - настоящая русская боярышня.

Она дочь офицера. Служила кельнершей в Хонг-Конге, в первом классе английского отеля Пенинсула. Мы этот отель знали. Он находится на полуострове Каулун, на материке, что против самого Хонг-Конга, который раскинут на северной низине самого острова. "Пенинсула", по-русски, означает полуостров.

Такая кажущаяся мелочь знание мною Хонг-Конга, дала тему разговора. Там с нею познакомился лейтенант Британской армии, влюбился, сделал предложение и женился.

У них скромная казенная квартира. Жалуется на бедность. Муж, по чину, получает только 600 рупий. Их едва хватает на жизнь. По положению - они должны иметь восемь прислуг из индусов: - повара, помощника, лакея, уборщика квартиры, садовника и двух прислуг низшего сорта людей для уборки "разных нечистот". Все они живут при них, во дворе, в помещениях "служб". Спят на циновках. Кроме риса - они получают жалованье от пяти, до 15-ти рупий в месяц.

"Собственно говоря - такое число прислуг нам не нужно вдвоем с мужем но по положению в Британской армии, по чину лейтенанта - он обязан иметь столько слуг, которые зарегистрированы в полку" - жалуется она мне.

"Мы не можем, даже, купить себе автомобиль... Он, правда, нам и ненужен, но для престижа Британского офицера - он его иметь должен. Мы не можем ходить в синема пешком, что бы не уронить престиж свой, хотя синема и недалеко - почему, всякий раз, по телефону вызываем такси" - печалится она.

"Леди не должна работать у нас... мне скучно без работы. Уговорила мужа купить швейную машину и я, вот, сама сшила, и занавески на окна и шторы на двери и этим с, сэкономила немного денег; а когда у нас были гости,

однопольчане мужа с женами и когда узнали, что я сама все это сделала, т.е. сшила, то они удивились, что - "Леди сама шила"... а потом мужу сказали, что Леди, жена Британского офицера, для престижа, не должна этого делать"...

Я слушаю ее, улыбаюсь от таких небылиц, а она грустна. Хотя... и наши жены офицеров, пожалуй, "ничего не делали", нигде не служили и только со своими деньщиками, вели хозяйство в доме. И потому - что еще не знали горя... которое пришло к нам с месяцев революции 1917 года....

600 рупий - это 50 фунтов английских фунтов стерлингов. Мы получали по 25 фунтов в месяц, как высшая ставка лучших артистов со своими лошадьми, седлами, обмундированием, квартирами и довольствием и это считалось лучшей оплатой. 50 фунтов для лейтенанта, с 8-ю слугами, с приемами гостей, с выездами и другими расходами "для престижа" - было мало. Но - многое в жизни относительное....

- * -

Из Бангалора, серпантинном, цири двинулся на юго-восток, в г. Салем. Потом поворачивает на юго-запад в г. Камбатор и повернув на восток, 4 июля - раскинулся в священном городке Мадуре, на южном берегу Бенгалвского залива, против северной оконечности острова Цейлон. Здесь много Буддийских храмов. Все в затейливой инкрустации. С виду - величественно. Зашел во внутрь храма "тысяча свечей", но в нем никаких свечей... Вместо них, по всем стенам, на подставочках, металлические блюдечка с маслом, в которых мрачно теплятся поплавки со шнурком внутри. В России это называлось "каганец". В проходах и в самом храме, возлежат на полу много индусов у стен. Все без рубашек, но в длинных "сарунгах". Они не молятся, а, просто, беззаботно отдыхают. Молчаливым и удивленным взглядом проводили "папаху", как бы спрашивают: - "откуда он?... и зачем он здесь зашнурованный в черкеску, когда здесь так жарко, почему и вольготно отдыхать, не думая ни о чем?"...

Из Мадур, повернув на север - вошли в г. Тринчинополи. Городок расбросан. Посредине города священный пруд. На нем, как островок, красивая, белая голая колонна, молебен с колоннами. Рядом высокий, острый как конус, каменный шпиль. На самом вершине что-то загадочное. Хозяин индус говорит, что там находится главный светильник Божества. Заинтересовался и иду туда по витиеватым широким каменным ступенькам. Долго шел. Высоко это. Наконец я там.

По нашему - это капличка. Она шарообразная, метра 3-4 в диаметре. В нее единственное окошечко с железной решеткой. Как так утомительно достигшей высоты, где должно быть что-то особенное - заглянул в окошечко с чувством благоговения. И увидел: - на маленьком пьедестале, выточенный из белого камня, стоит изображение Будды с поджатыми ногами, как он вообще изображается. Перед ним свечечек-каганец. Все закоптело от времени и... мрачно. Постояв несколько секунд в одиночестве - начал тихо спускаться вниз по безлюдным крутым ступенькам. Я был разочарован виденным....

Двигаясь на север, 28 июля были в г. Негапаттам, откуда, 11 августа, перебросились в Виллюпурам. Мрачные городки, но - на юг от этого города, километров в 10-ти, находится французская колония с городом Пондичерри.

Мы сняли квартиру и индуса-инженера, который получил диплом в Америке. Он вдов. Ему скучно. В Индии европейские напитки запрещены в продаже. Они есть только в барах европейских гостиниц. Наш инженер говорит, что в Пондичерри "вольная продажа" и там интересно побывать. На автобусе летим туда. Мостик через реченку. Пропуск туда свободен и мы там, на территории французской колонии. Картина всего - резко переменилась. Во 1-х - жители индусы лучше одеты. Открытые лица. Невидно бедности их и нищенства.

А вот и сам городок. Мошенья улицы. Чистота. Нарядные постройки. Много магазинов. Все вывески на французском языке. Рестораны и магазины. Все индусы говорят по-французски. Мы попали, словно во Францию. Обед в ресторане с цирковыми балеринами. Так приятно было чисто по-европейски выпить и закусить. От радости - даже некоторые подвыпили... индус-инженер тоже.

С ящиком крепких напитков, на автобусе-же, возвращаемся к себе. На мостике таможня со стороны Индии, что бы из французской колонии ничего не привозили соблазнительного, т.е. спиртных напитков. С нами инженер-индус, которого здесь все знают. Он весел, смеется, к тому же влюблен в одну из наших балерин. Он что то говорит таможенным чиновникам индусам, размахивает руками, те тоже смеются и потом, махнули руками на наш ящик с напитками и мы покатали дальше, довольные своей экскурсией.

Колониальная система осуждается теперь. Как будто - и должна осуждаться. Но мы тогда из, ездили весь колониальный восток Азии - должен подчеркнуть, что неискнутому люду в политике тех стран - экономически жилось гораздо лучше, чем... сказать "теперь" - не могу, т.к. неведаю их теперешней жизни. В колонии был брошен капитал. Много предприятий. Много служащих европейцев и при них местных людей. Разнообразный спрос на труд и торговля. Во всем розмах капитала, а отсюда и прогрес. Всегда хорошо, лучше, интереснее и выгоднее служить в большом предприятии, чем в малом и бедном. На этом я и остановлюсь....

- . -

У всех восточно-азиатских странах, которые мы проезжали, в больших городах, сохранились стариннейшие цитадели в центре города. Это были крепости, как последнее убежище для жителей осажденного города и как последний оборонительный пункт для войск. Цитадель представляла собою правильный четырехугольник, огороженный толстой и высокой каменной стеною. Впереди нея шел широкий и глубокий ров, наполненный водою. Вход - через единственные узкие ворота по мосту через ров. На углах стен - укрепления с бойницами, для обстрела фланговым огнем /или стрелами тех эпох/ наступающего на стены врага. Окружность стен различна, смотря по населенному пункту и его значению. В Ангкорском Храме, в Комбоджском королевстве бывшего Индокитая Французской колонии, который мы осматривали в в 1935-м году - каждая сторона цитадели, равнялась 2-м километрам. Но - то был, одновременно и королевский дворец короля кмеров, построенный в начале 12-го века нашей эры.

В других городах, площадь цитадели меньше. Теперь в них возведены новые постройки, в которых помещается администрация города и полиция. Но несмотря на это - стены, рвы с водою и бойницы - остались попрежнему, как стиль старых крепостей. Ворота расширены, на противоположной стороне есть новые ворота, проложены мостовья, в общем - все усовершенствовано для удобств своей эпохи.

Разсматривая один из пройденных нам городов - попал в подобную цитадель и остановился перед следующей картиной. Свыше сотни голых индусов, только в одних коротких трусиках, стройные, без головных уборов и босиком, с бамбуковыми палками в рост человека с поднятой рукой, мелким медленным шагом наступают, отступают и вновь наступают, держа это палки как "штыки на перевес". Потом поднимают их вверх и ударяют, как бы по головам людей.

Это продолжалось недолго. Палки-бамбуки сложены. Индусы быстро выстроились в несколько разрозненных шеренг, в затылок одна другой. Послышались звуки духового оркестра и началась, по нашему - "сокольская гимнастика под музыку". Что меня удивило, что - темп музыки менялся. То он был плавен, медлителен, то переходил в бравурный темп и индусы, как один, проделывали, как-бы, танец, то плавный, то вертуозный, словно балет. Никто ими не руководил, не подавал команд. А в стороне, перед европейским одноэтажным флигелем - сидели несколько англичан-офицеров в походной форме, при ремнях,

при саблях и пили что-то. Думаю, пили не чай... С ним несколько дам, так-же в защитных формах, но без оружия.

Это продолжалось около часа. Потом музыка резко оборвалась, послышалась команда и все индусы, наперегонки, бросились к своим казармам.

Офицерам подали лошадей. Началась скачка через препятствия. Участвовали и дамы. Стою и удивляюсь. Я был в папахе, в белой рубашке-бешмете и в красных бриджах при серебряном ламнасики на них. В цирке они, видимо, были и видели нас казаков в работе на коне. Ко мне под, едет офицер и предлагает сесть на их лошадь и скакать на препятствия. Мне показалось, что этот офицер хотел видеть, и испытать - могу-ли я взять такое высокое препятствие, "мертвое" из трех бревен, высотой по грудь человека? Таких высоких препятствий в казачьих полках не было ввиду низкорослости наших лошадей.

Отказаться было нельзя из-за престижа казачьего наездничества. Я согласился. Мне дали каракового коня. Мне он не понравился по злым глазам с выпуклостью. Сел. Седло строевое регулярной конницы. Оно широкое и скользкое в сиденье. Широкие стремяна для солдатских твердых сапог, а я в мягких кавказских чевяках. Сел и почувствовал себя "не в своей тарелке"...

Слезать было уже нельзя. Скачу наметом к препятствию. За несколько шагов до нея, нажимаю на шенкеля и даю коню волю широкого галопа. Вот и препятствие и... только что я подал свой корпус тела чуть вперед, что бы облегчить зад лошади для прыжка - как мой конь "тычком" остановился у самого барьера и я едва не вскочил из седла вперед, через его голову и, конечно - через барьер... Краска стыда залила мое лицо, что - осрамился казак...

С трензелями - у меня четыре повода в руках. Ремни грубые и широкие. Все это так непривычно и неудобно. Дернул зло поводьями, резко ударил в бока коня своими мягкими чевяками, подскочил к офицеру и спросил стэк.

На практике, я убедился, что лошадь чувствует нахождение стэка в руках всадника, хотя бы он им и не пользовался и бывает послушна. В данном случае, я хлестнул его несколько раз, и не сильно по передней лопатке и он сразу же загозил подо мною.

Скачу вторично, собрав коня, и в поводья и в шенкеля, а сам весь настороже. Перед самым барьером, вновь чуть хлестнул его по правой лопатке, держа поводья, по-кавалерийски, в обеих руках. И мой конь прыгнул... прыгнул всеми четырьмя ногами. Барьер был настолько высок от непривычки /таковой высоты я никогда не брал/, что мне показалось, что я с конем отделился от земли и полетел к небу... Англичане зааплодировали. Я под, ехал к ним, коротко козырнул, поблагодарил и слез с седла. На моего коня тут-же сел офицер моих лет, вздернул его поводьями, заработал шпорами и стеклом, от, ехал в сторону и поскакал к препятствию. Перед ним вновь толкнул шпорами и перелетел на ту сторону.

Из этого жеста, я понял, что он дал мне своенравного коня, на котором хотел испытать "казачье наездничество".

Индусы - это была городская полиция, под начальством английских офицеров. Унтер-офицеры были только индусы. Упражнение с бамбуками - это манера разгонять мирные манифестации индусов - толкать их палками, а непослушных - бить по головам.

В этих южных городах Индии - совершенно не было европейцев, кроме, может быть, нескольких англичан от Британской Империи. В цирке, для уплотнения посетителей-индусов - разбирались все сиденья, оставляя лишь галерку. Все индусы - мужчины, женщины и дети садились на землю густым массивом. И вот, во время представления, когда некоторые из них приподнимались, что бы по верх ложь рассмотреть "номер артиста", в особенности фокусников - полицейские индусы, рассаженные меж ними - тут же своим бамбуком-палкою, слегка, и не больно, удаляли его по голове, дескать - "не поднимайся... и не заслоняй другому смотреть". Индусы добрый, послушный народ. Редко кто из них нарушал порядок.

В один из дней, я опоздал на представление. Во дворе стояла толпа индусов всех возрастов мужчин, женщин и детей. Пробираясь через нее - руками расталкиваю их. Сухие, худые, легкие весом - они как щепки отталкивались моими руками; а вонюче-неприятный пряный запах их тел, пропитанный маслом от втирания против солнечных лучей - только усиливал движения моих рук, что-бы как можно скорее выбраться из этой толпы. Такова Индия в массе.

КОНЕЦ КОНТРАКТА. ПРИЕЗД ЖЕНЫ С СЫНОМ.

В одном из этих городов - закончился наш 2-х летний контракт с цирком. Цирк - коммерческое предприятие. Всем артистам, оканчивающим контракт, хозяин уменьшает жалованье, если они хотят продолжать работу. Расчет таков: - артисты заработали деньги, ехать некуда и они согласятся на это.

Нам сбавляли на пять фунтов в месяц на человека. Сотник К.И. Барагунов устал и решил с женой вернуться в Вену, где было их местожительство. А.П. Крикливый заранее списался с директором индусского цирка. Мое положение было критическое. Жена в Париже с сыном ждет визы на везд в Индию. Мы имели Нансеновские паспорта и жена могла прибыть сюда "как артистка" в цирк, иначе виза не давалась. Хозяин лишился казачьей группы, самой популярной и уговорил меня одного остаться, в компенсацию за это - выхлопочет жене визу. Пришлось согласиться. Виза послана и жена из Марселя плыла на пароходе в Индию - конечный пункт, Мадрас.

Точка парохода, приближаясь к городу, постепенно увеличивалась и медленно подойдя к нему - остановилась в версте от берега, ввиду его мелководья. Я волнуюсь. Жене не видел 10 месяцев, а сына совершенно не знаю. Ему сейчас три с половиною года, а видел я его лишь два часа, когда он имел 20 часов после рождения. Мать свою он уже знает, но меня нет. Он говорит только по-французски. В дороге мать показывает мои фото в черкеске и папахе и внушает ему, говоря: - "с, э тон Папа" / Это твой Папа /.

И вот, жена потом рассказывает: - "Я - слепая курица... не вижу вдаль. Ищу глазами тебя на пристани среди толпы, но не нахожу. Вдруг Жорж вскрикивает и указывая пальцем на берег, признает: - "Маман!.. вуаля мон Папа" / вот мой Папа / . По казачьему костюму, он узнал меня в толпе. Замечательно.

На таможенном баркасики плывем к пароходу. Поднимаемся наверх. Незабываемая встреча, и с женой и с сыном. Подхватываю его на руки, целую и рассматриваю его лицо - первого и единственного сына-казака... Каков он и на кого похож - на мать или на отца? Он полненький и скромный. С этого дня и началась наша жизнь, под моим лозунгом - "труа-з-ами, жюсько бу", что на русский язык будет: - "Три друга до самого конца".

В Мадрасе пробыли одни сутки и поездом тронулись в городок, где работал цирк. Вокзал далеко за городом. Берем извозчика. Вот он в Индии того района: - высокая двухколесная арба с закрытым верхом; колеса на железном ходу высотой до головы человека; на полу циновка; влезть в нее и мужчине очень трудно; сидеть надо с ногами, спиной к лошади; циновка скользкая; арба без рессор и... запряженная одним молодым быком в оглобли...

Возница сидит впереди, упершись босыми ногами в оглобли. Он полугодный но в тюрбане. Видя таких знатных пассажиров - он скалит свои белые зубы на смуглом лице, что-то говорит по-индусски. Мы его не понимаем. Желая порадовать нас, он берет одной рукой хвост своего бычка у самого его основания и стал крутить им из стороны в сторону. От боли, бычек перешел во весь свой "бычачий карьер"... Двухколесная арба задрезжала по неровной дороге... мы подпрыгиваем на своих сиденьях, скользим вниз по циновке не зная за что ухватиться, что бы не скатиться вниз... Жена в ужасе. Она

в шляпе. Ботинки на каблуках. Но сын в восторге от такой быстрой езды.

Началась новая жизнь... Посвициальные города небольшие. Мало отелей. Никаких европейских удобств в них. Артисты часто снимали дома. Они без мебели. Каждый имел походную раздвижную кровать на двух кресльях. Приоблели и мы - т р и. Жили среди индусов и наблюдали их жизнь. Она не красочна. Бедность их сквозила через все щели. Странно, что в таком теплом, вернее, жарком климате, очень мало овощей и фруктов. Беднейшие базары. Вся торговля на лотках, в корзинках, и сидит на земле. Мяса недостаток. Индусы режут только старый скот, который уже не годен в работе. Мясо жесткое, жилистое. И, порою, его можно было достать только за городом, на пустырях, где скот убивался вручную. Тут же валялись кости и внутренности, которых расхватывали собаки... Все это было совсем не похоже, на чистоту, красоту, изобилия всего, что мы видели на Яве, в Индокитае и на Малайском полуострове.

Жители этого юга Индии, назывались "малабары", были более смуглы, чем индусы севера и менее красивы, как и мельче ростом. По типу лиц мужчин, наблюдалось что то от Малайской расы. По словарю Ф. Павленкова - "Малабарский берег" - есть прибрежная полоса на юго-западе Индостана, т.е. Индии. Отсюда и прозвище жителей - малабары.

МЫ ДВИЖЕМСЯ НА СЕВЕР, К БОМБЕЮ. КАРТИНКИ ИНДИИ...

Все такие-же города, для нас скучные и не интересные - Веллор, Куддапаху, Беллери, Гадаг, Юбли, Бельгаум, войдя в г. Калапур 23 октября. Это есть главный город какого-то Магараджи, т.е. - владетельного князя.

Как часто бывало - на велосипеде осматриваю город. На одной из площадей, у раскрытых ворот высокой стены стоят два индуса в коричневых чекменах ниже колен, в тюрбанах, при саблях и с пиками в руках. Пики из бамбука, не длинные, с железными копиями. Пики почти игрушечные. Заинтересовавшись, остановился и спросил часовых - "кто вы?".. и - "что это за учреждение?"

Часовые не говорят по-английски и указали на калитку, рядом с воротами. Я понял, что они предложили войти во внутрь и там все узнать.

Вошел. Мне открылся громадный двор площадью в квартал. Его огораживают крытые высокие конюшни со всех четырех сторон. В них стоят лошади. За калиткой справа, под общим навесом, сидело несколько индусов одетых как и часовые, с саблями в металлической оправе на поясах. Видимо начальник их, старше их возрастом, с пышными усами, увидев мой военный мундир в папахе, быстро подошел ко мне, шелкнул каблуками, дернул правой рукой к своему пышному тюрбану и уставился на меня своими черными красивыми глазами.

Маленькое отступление. В Оренбургском казачьем военном училище нам три года преподавался английский язык, по два часа в неделю. К изучению его почти все юнкера относились небрежно. Своим смелым офицерам мы иногда говорили - зачем он нам?... только тратим время и получаем неприятности от преподавательницы. Преподавала женщина, кажется англичанка - умная и приятная пожилая, но нам и это не нравилось. На наш вопрос, офицеры отвечали, что почти что все казачьи полки охраняют Российскую границу в Азии. Индией владеет Англия. Не исключена возможность казачьим офицерам встречи с англичанами... как и возможности войны с Англией за влияние на Персию и Афганистан. Нам это было понятно и, даже, приятно повоевать с Англией и, все-же, к изучению английского языка относились небрежно. Несмотря на это, в течении 3-х лет его изучения - в памяти осталось несколько сот английских слов, частица грамматики и мы могли, хотя и с трудом - составлять короткими необходимыми фразами. Это и пригодилось мне теперь, попав по мирному в ту самую сказочную и богатую Индию, из-за которой Россия хотела воевать. В данном случае, сержант-индус так-же очень плохо го-

ворил по-английски, то мне его понять было легко, как и ему меня. Поведав, что я есть "казакий офицер с Кавказа" - просил разрешения осмотреть лошадей. По его словам - это был личная гвардия их Магараджи в четыреста всадников. Вооружены они только пиками и саблями, т.к. Английское правительство не разрешает Магарадже иметь огнестрельное оружие.

Мы обходим конюшни. Крупные жирные лошади, совершенно не втянутые в работу. Тут-же копнами дивное пахучее свежее сено. По двору ходят белые молодые барашки, поедая уроненное сено. Приятная мирная идиллия, в особенности парные часовые у ворот в тюрбанах, в длинных чекменах со шнурами, с позументами и с игрушечными бамбуковыми пиками....

П А Р А Д М А Г А Р А Д Ж И.

Узнали, что Магараджа устраивает парад по городу, что бы показать населению свое богатство. С некоторыми артистами, мы на площади у его дворца. К параду уже все готово. Что бросилось в глаза, так это шесть громаднейших слонов в попонах и с паланкинами на их спинах, окутанных легкими светлыми материями. Лбы всех слонов разрисованы белыми и синими красками. Резкими мазками изображены полукруги с переплетениями в симметрическом порядке от середины лба. Слоны с длинными клыками. У хобота каждого - два водителя их в тюрбанах, в коричневых чекменах, в белых узких штанах до пят и... босиком. На шеях слонов, впереди паланкин - такие же индусы с коротенькими копьями. Все слоны тихие, смиренные, послушные. Стоя на одном месте, они раскачиваются своими громадными телами из стороны в стороны, ожидая движения вперед. Толпа индусов. На правом фланге слонов стоит дивный гнедой конь арабских кровей. На нем дорогая попона вся в блестящих вышивках. Сверх нея - седло под зеленым чапраком с кистями. Напротив, на также дивной лошади в дорогой попоне, сидит в седле по-мужски красивая индуска в национальном своем костюме. То была сестра Магараджи, ожидающая выхода своего брата. И он показался из дворца. Выше среднего роста могучий мужчина лет 35-40, бритая борода, черные усы. На нем не особенно блестящий наряд. Почти такой же чекмень как у его всадников коричневого цвета, но более разшит галунами. На голове пышный тюрбан. За ним следовал молодой красивый индус во всем белом - тюрбан, чекмень, узкие штаны, белые туфли, скромно разшитые позументами. Среднего роста, изящный, проворный. Видимо адъютант влштителя. Он стал распоряжаться парадом.

Два слуги подвели коня к Магарадже. Они держат лошадь под уздцы. Повод уздечки уж закинут к седлу. К Магарадже поднесли скамеечку в поларшина высотой. Он стал на нее. Следующие два слуги помогли ему подняться выше и.... он животом лег на холку лошади, потом с напряжением перенес правую ногу через заднюю луку седла и уж потом уселся в самое седло. Все делал не-спеша. Слуги подали ему повод. Процессия тронулась. Мы ее наблюдаем.

Лошадь Магараджи вели слуги. По бокам следовали еще двое. За ним его сестра, барышня. Маленький штаб и потом - 400 всадников на крупных толстых лошадях гнедой масти, в колонне "по-четыре" - с саблями в металлических ножнах европейского изделия и с короткими бамбуковыми игрушечными пиками с железными наконечниками.

За конницей - два крупных быка /вола/ с длинными рогами вверх /такова порода там рогатого скота/ - везли маленькую старинную пушечку их желтой меди. Дальше слоны с паланкинами, в которых сидели, видимо, члены семьи Магараджи. На открытых площадках больших четырехколесных телег на железных осях - шел зверинец его. Что нас заинтересовало и удивило, так это - на некоторых этих открытых мажарах, стояли индусы и держали на тонких цепочках очень красивых крупных леопардов, словно ручных животных. Казалось - рванется это хищное животное и тонкая цепочка не удержит его.

Почти по белому фону их красивых, тонких, изящных кошачьих тел - черными пятнами говорило их расовое звериное происхождение хищников.

Наш хозяин цирка в панике. Оказалось, что эти владетельные князья Индии, т.е. Магараджи, могут безнаказанно взять у своих подчиненных все то, что им понравится. Цирк имел два коня породы "липицан", отличной дрессировки. Порода этих лошадей была такова: - все они белой масти, ни единого пятнышка на теле; глаза, ноздри, губы, "машонки", т.е. все те голые места, на которых не растет шерсть - все белое, вернее розово-белое. Они имеют мягкие аллюры, чувствительные на повод, к тому же игривы и веселы. И этот Магараджа, узнав об этом - решил их отобрать в свою пользу....

Хозяин цирка, получив здесь Британское гражданство - обратился к резиденту-англичанину, служащему при Магарадже, прося защиты. Тот ответил, что он есть представитель Британской Империи при Магарадже только по политическим вопросам, только... и если Магараджа захочет взять себе этих лошадей - он не в праве вмешаться во внутренние дела этого владыки....

Как все это обошлось благополучно - нам не было известно, но лошадей он не присвоил. Возможно, сыграла какая-то закулисная сторона ходатайства.

Магараджа цирка не посетил, но было уведомлена из дворца, что посетит сестра-барышня со свитой. И она вошла к нам - небольшого роста, тонкая, изящная, красивая. Одета в свой национальный костюм. При ней три дружки, такие же красивые и изящные и какойто индус - чин из канцелярии. С реверансом, сестра хозяйна приподнесла ей букет цветов. В ложе сидела она одна. Дружки и чин из канцелярии - заняли ложу рядом. Молча, скромно смотрели все номера артистов и также молча скромно ушли домой. Вот и все.

- • -

Мамрийский дуб по Ветхому Завету, у дубравы Мамре, под которым пророк Авраам принял трех мужей. Он есть в каждом городе Индии и чаще за городом, в окрестности, у большой дороги. Он разлатист и имеет тень против солнца. Возле него "божнички". Это маленькие печурки из кирпичей. Проходящие женщины останавливаются, зажигают церковные палочки, кладут их здесь, потом становятся на колени, сев на пятки и, сложив впереди руки ладонями одна к другой - склоняют голову до земли на руки. Это продолжается несколько секунд. Встав - они идут по своим делам, помолвившись за упокой умерших. Все это просто, искренне и трогательно.

В городах, в центре, под подобными дубами, выступают с речами ораторы. Они ученые. В белых хитонах, чисто одетые, с горящими глазами - они что то говорят с высоким подъемом своих чувств. Слушателей немного, но все они сидят на земле перед ним и молча, внимательно слушают речь, думаю, религиозного характера. Одни ухопят, другие прихоят и садятся, но оратор ни на минуту не останавливается в своей проповеди.

Много нищих, несчастных стариков и старух. Есть нищие-проповедники. У этих нищих небольшой бык на веревочке, продетой сквозь ноздри. На рогах его - цветные ленточки. На спине коврик и сумы-дуржини. Подойдя к дому, он что-то поет. Поет протяжно, жалобно. В подаяние, ему выносят в одной руке жменю зерна, которую он высыпает тут-же в одну из своих сумин, благодарит и идет дальше. Сам он в рубище убогом, в длинных волосах на голове; на лице мазки религиозных знаков - на лбу и щеках. Все это убого и непонятно для европейца. Хотя - у всех, и у мужчин и женщин есть подобный мазок, красный и белый, на лбу. На юге, мужчины носят длинные волосы. Некоторые завязывают их жгутом на макушке, или на затылке. Зажиточные - обрезают их до плеч. Порою, мальчина в такой прическе не отличишь от девочки. Это - как предохранение от солнечных ударов. Почти все мужчины ходят без рубашек, имея на талии "сарунг" до пят - род юбки. В жару, в домашней обстановке - одевались и мы так.

Надоела эта примитивность жизни среди индусов. 12-го ноября мы вошли в громаднейший торговый город Пуна, южнее Бомбея и впервые разместились в приличном индусском отеле. Здесь извозчики на лошадях. Двухколесные

экипажики без рессор для двух человек. Вход в них сзади и сидеть надо спиной к лошади. В упряжке отличные горячие кони без дуги. Сидеть неудобно. А когда индус-кучер, от восторга, что везет европейцев, во весь опор пускает своего коня - сидеть в таком экипажике и неприятно и опасно.

18 декабря цирк раскинулся в Бомбее, в центре города. О Бомбее я уже писал. С женою и сыном остановились в русском пансионе. Его держала мадам Ковалева, Кубанская казачка, вдова. Муж ее инженер, бывший начальник железнодорожного участка Мерв-Кушка Закаспийской области. Отец мужа - наш старый Кубанский генерал, бывший командир Туркменского конного дивизиона в Ашхабаде. После большевистского переворота 1917 года, она с мужем и дочкой переночевали в Бомбей и здесь устроили свою жизнь. Муж давно умер. Она живет с дочкой. Все это было очень приятно знать и жить у нея по-семейному, с которыми, и с матерью и дочкою, мы подружились. Они здесь сторожили и хорошо знают индусскую жизнь. Советывали посмотреть на "Башню молчания", в которую хоронят своих умерших "парсы".

БАШНЯ МОЛЧАНИЯ. . . .

Парсы - выходцы из Персии по религиозным гонениям магометан. Они огнепоклонники. Очень красивый народ, в особенности женщины. Большие коммерсанты. Бедных среди них нет. Закрытая секта. Своих умерших они уносят в специальные "Башни молчания", кладут на решетки и тела их поедают пернатые птицы-грифоны.

Заинтересовавшись - мы поехали туда. Это есть большой парк на пересеченной возвышенности. Чистая аллея, нарядные скамейки для отдыха. Красота и чистота. И тут-же, на площади - мрачное кольцевидное здание без крыши. Цементовые стены в пять ростов человека. Одна открытая ниша без двери. По стенам черные потоки вниз. То кровь умерших, куски тел которых, терзали эти грифоны, сидя на стенах. . . .

Они и сейчас, при нас, сидят на стенах, ожидая себе пищи. Они стервятники, т.е. птицы, которые питаются разною падалью. Их можно видеть и за городом, у дорог. Величиною они с индюка. Голова и шея голая. Крупный загнутый вниз клюв. Сильные ноги с длинными пальцами-когтями. Впечатление от них отталкивающее. В десяти шагах от человека сидят они у дороги нахохлившись, а развернув свои могучие крылья - махнут в стороны, словно дэмоны.

В цвет развивающихся деревьев роскошного парка, на зеленой скамейке, сидит парсиянка в белом нарядном своем сари. до пят, идущем через грудь и последним концом накинутым на голову. Восточной женщине лета определить трудно. Еще красивое лицо правильных черт, черные волосы. Сидит на скамейке, словно отдыхает.

"Вот это, видимо вдова, пришла навестить умершего мужа, положенного в Башню молчания" - говорит нам мадам Ковалева, сопровождавшая нас.

Странно нам было это слышать. Тело ее мужа, пернатые грифоны, давно пожрали и от мертвого остались одни лишь кости в середине этой башни. Да и те, возможно, давно уж выброшены, а она пришла сюда почтить его память. И тут-же, на стенах башни, все время сидят громадные грифоны с сильными когтями-пальцами ног и с кровавым кривым клювом, которые, может быть недавно терзали и поедали тело ее любимого мужа. . . . Дивны дела Твои Господи за океаном и нам их не понять. . . .

ВНОВЬ В ИНДОКИТАЙ. . . КОЛОМБО, СИНГАПУР, САЙГОН.

Наш цирк совершает длинные переходы по морям. Объявлено, что из Бомбея, мы плывем вновь во Французский Индокитай, в самый Сайгон. Нам с женою это приятно. Мы будем, словно, во Франции. И язык "свой" и там много русских семейств, с которыми подружились. Все они там давно живут и живут оседло.

14 января 1937 года, наш пароход отчалил от Бомбея. Через два дня, мы в Коломбо, столице острова Цейлон. Пароход стоит несколько часов. Как не посетить город!... Мы на его улицах. Остров-государство под протекторатом Великой Британской Империи, как пишется везде здесь: - "Грит Бритиш".

Здесь, так-же, яркий "восток", но чистота на улицах исключительная. Коломбо большой торговый город. Проездной пункт торговых пароходов с запада на восток и с востока на запад. Много меняльных касс на все валюты мира. Меняли и мы, артисты, индусские рупии, на индокитайские пиастры.

У всех артистов контракт подписывается на жалованье в английских фунтах стерлингов, как самая твердая валюта на востоке, но жалованье выплачивалось в валюте каждой страны, по официальному переводу на фунты. Это называлось "контр-мони".

Несмотря на то, что мы раз, езжали по колониям разных стран - Англии, Франции и Голландии - каждая колония имела свои деньги, связанные со своей метрополией только разценкою денег "по курсу дня" - как официально говорилось. Частные меняльные кассы имели свои вычисления для своего заработка. Их было очень много в Коломбо и Сингапуре, как проездных торговых портах.

Коломбо на берегу океана. Тропическая зелень. Мягкий веферок с моря, потому и не так жарко. Холмистая местность. После дождя - исключительная чистота. Вообще - город очень чистый и нарядный. Не видно нищих как в Индии и индусы хорошо одеты в свои костюмы. По городу рикши и автобусное сообщение. В ожидании последнего - все чинно стоят в очереди по барьеру и - никакой давки. Приятный город.

Путешествие по морю в тропических странах приятно. В особенности по ночам. Тишина и прохлада. Никакой качки. При таких благоприятных условиях, 20-го января мы прибыли в Сингапур. Он нам уже знаком. Та же жара, та же толчея в городе смеси народов, с преобладанием китайцев.

Прорезав Сиамский залив - 23 января, поднявшись вверх по реке - причалили к Сайгону. Картина резко переменилась. Живой нрав французов передался и городу и населению. Здесь все говорят по-французски, кто бы он ни был - рабочий аннамит, рикша-ли, мелкий-ли торговец. Здесь много частных французских предприятий-собственников - отели, магазины, гаражи, не говоря уже о каучуковых плантациях. Здесь Французский католический Собор, лицей при нем, много духовенства. Большой Французский гарнизон войск. В общем - в Сайгоне много проживает французов с женами и детьми.

Ровно в течении полутора года прорезав чисто Английские колонии - Малайский полуостров, Бурму и Индию, где так мало англичан и которые живут обособленно и замкнуто от местного населения, которые посещали цирк с сознанием своего здесь владычества, дамы и мужчины нарядно одетые - совсем иное мы видим среди французов. Они приходят в цирк запросто одетые, часто без пиджаков, в рубашках распашенках с короткими рукавами, а дамы - в довольно легких фривольных платьях. Здесь нет тех строгих перегородок между колонистами-французами и местным населением, как это было в Британских колониях. Некоторые французы приходили в цирк "под ручку" со своими женами-аннамитками иль, даже... "о временными женами", что в Английских колониях не только что мы не видели, но этого там и не могло быть. Английские солдаты, женившиеся на индусах, по окончании службы не могли с семьями вернуться в свою метрополию и должны оставаться в Индии: их назначали на мелкие должности; а потомки, "метисы", занимали в городах отдельные кварталы, т.к. не были приняты в английское общество и оторвались от своих... Но по духу, по воспитанию - они чувствовали себя англичанами. Во Франции этого совершенно не было. Там полное равенство. Но в жизни, с местным населением, крестьянским - оно не всегда было... Как и в оплате труда.

ВТОРИЧНО В КОРОЛЕВСТВЕ КАМБОДЖА.

ПОХОРОНЫ ПРИНЦЕССЫ, СЕСТРЫ КОРОЛЯ.

Цирк размещен на речном пароходе. По реке спустились в океан и вошли в величественную реку по длине и ширине Меконг - выгрузились в столице Королевства, Пном-Пенг. О нем я уже писал. Город чисто азиатский. В нем французский отель, в котором и остановились многие артисты.

На второй день нам удалось присутствовать на торжественной церемонии - сожжение тела умершей сестры короля.

На широкой королевской площади был воздвигнут шпалеобразный шатер из длинных белых легких полотнищ. Посреди него алтарь, на котором было положено тело усопшей. Три больших полотнянных навеса тут-же. В одном из них помещались бонзы - все в ярко-желтых хитонах и с бритыми головами. Их было 75 человек, по числу лет усопшей принцессы. Под другим навесом - одни лишь женщины - родственники и дети Королевской семьи. Под третьим, застланным коврами, с двумя рядами мягких кресел обитых шелком, для короля Камбоджи Сизоват Монивона, Французского резидента при нем, министров и других главных чиновников короля. Церемония назначена на пять часов дня. Мы с женою и сыном Жоржем, были единственными посторонними зрителями этой исключительной церемонии. Места наши оказались позади самого короля. Почетный караул - взвод его солдат. С появлением короля, его духовой оркестр встретил гимном. Король занял свое место. Главный распорядитель церемонии, приблизившись на-карачках, подобострастно подал ему зажженный факел, которым он зажег бикфордов шнур, проведенный к деревянному костру в шатре и вызвал плямя. Появился первый клуб дыма. Заиграли музыканты, но не военный оркестр, а королевский дворовый. Музыканты сидели на корточках тут-же, на траве, сбоку королевского шатра. Звуки их были печальны и тягучи. Музыкальные инструменты их своеобразные и примитивные. При этом - король и все присутствующие встали. Прослушав, видимо, церковную музыку, все сели. Но не прошло и минуты времени, как король обратился к резиденту и с улыбкой заговорил с ним по-французски. Он с французским образованием и имеет офицерский чин Французской армии "командора". Это есть следующий чин за чином капитана и меньший подполковника.

Подшли министры. Тот же распорядитель церемонии, изгибаясь в низком поклоне, подал королю портсигар. Он закурил и запросто стал разговаривать с окружающими его. 75 бонз молились Богу, а зурны надрывали душу своим погребальным мотивом. Король стал прощаться, приятно улыбаясь. Подан роскошный автомобиль. Солдаты взяли на-караул. Его оркестр играл Камбоджийский гимн. Вся свита стала расходиться.

Процес сожжения длился до 12-ти часов ночи, при непрерывном чтении молитв бонз. Потом пепел был собран в урну и поставлен в Королевской пагоде.

На следующий день король посетил наш цирк. Небольшого роста, сухенький, желто-смуглый, в белом кителе без погон, в своих синих национальных шароварах-юбке до колен, жгутом взятых спереди, пропущенных меж ног и заткнутых позади у поясицы. На ногах белые чулки до колен и лакированные европейские ботинки. Ничего, как-будто, королевского. Он со свитой и первым аплодирует хорошим артиста и, дамаклоунам. Сначала "стоя на подушке седла" мимо него - я по-военному отдал ему воинскую честь, приложив правую руку к папахе. Он улыбнулся и ответил аплодисментами. Не ожидая конца представления - он уехал к себе во дворец, вместе со своим сыном наследником.

Камбоджийцы есть потомки древняго племени кмеров. Они буддисты. В лицах их есть что-то монгольское. Умерший, по их верованию, переходит в лучший мир, там перевоплощается в насекомое или животное и продолжает жить на земле. Поэтому - о покойниках у них не плачат и не печалются. Нам, православным христианам - это непонятно. Поэтому король и прибыл в цирк на второй-же день, после похорон сестры.

ТУРНЭ В КОШИНШИНЕ. РЕКА МЕКОНГ.

/конец работы и переезд на жительство в Шанхай/.

Как писал раньше - Французский Индокитай составляли пять частей: - королевства Камбоджа, Лаос и Аннам, находившиеся под протекторатом Франции и две провинции под прямым Французским управлением - Тонкин и Кошиншина /по-русски - Кохинхина/. Тонкин на самом севере, у границ Китая, а Кошиншина на самом юге. В столице всего Индокитая, в городе Ханой, находилась резиденция Генерал-губернатора и дивизия пехоты с артиллерией, авиацией и пехотный полк Французского Иностранного Легиона. В Кошиншине находилась другая пехотная дивизия. В королевстве Камбоджа французских войск не было. При Королях Камбоджи и Лаоса и при Императора Аннам - были Французские Резиденты. В общем-же - весь Индокитай в целом - управлялся французами. Никаких границ и никаких виз. Все было - одна Страна. Рисовые поля, научные плантации, горы, леса и джунгли, джунгли... Были только два железных пути - от Сайгона на Ханой, по берегу Китайского моря, 2.000 километров и далее к Китайской границе, а в Камбодже - от столицы Пном-Пенх и до столицы Сиам - Бангкок, через город Баттанбанг. Во всех остальных случаях, передвижение было на плохих автобусах и по плохому шоссе.

В каждом городе - множество рикш, даже велосипедального характера. При таком положении, передвижения цирка со многим имуществом и животным миром - было очень затруднительно. Кроме того, в Кошиншине, многие города раз, единяла широчайшая река в мире Меконг. Она берет свое начало в самом северном Лаосе, на границе с Китаем. На всем своем протяжении делает границу с Сиамом. Режет королевство Камбоджа. Входит в Кошиншину широчайшими своими водами и впадает в Южное Китайское море многими рукавами, делая при этом большие острова с городами. По этой реке цирк погрузился на паход в Пном-Пене и спустился вниз в город Лонг-Хуен 17 марта 1937 г. В Пном-Пене, представления тянулись в течении одного месяца.

Спустившись по реке ниже - вошли в Садек 29 марта. Поднявшись по той же реке, 10 апреля выгрузились в Шо-Док. По сухопутью, по низине рисовых полей, прибыли в г. Рам-Джия, находившаяся на берегу Сиамского залива. Жарко и нудно. Тучи крылатых москитов в воздухе. Они облепляют вас со всех сторон. Лезут в нос, в уши. Нельзя открыть рот, как они лезут и в него... Стоит мгла. Поднялся бурян с моря. Повалились обе мачты цирка, на которых держится шопито /крыша цирка/. Было это днем, когда в мире никого не было. Были рады, когда покинули этот прибрежный городок.

27 апреля, на камюнах, перебросились в Канто. Здесь те-же москиты. Лошади цирка размещены в лесу. Грязь, слякоть, дожди. Лошадей заедают москиты. Я заболел какой-то желудочной тропической болезнью и лег в госпиталь. Госпиталь, как и везде здесь, французский. Мена волнуется. Ей разрешено с сыном поселиться в одной со мною просторной палате. Скоро заболел и наш 4-х летний сын. Выздоровев - опять сел в седло.

11 мая, по сухопутью, прибыли в Сок-Транг. Оттуда, на баркасах переплыть правый рукав Меконга, 19 мая раскинулись в г. Травинг. 26 мая - в Бентре. Оба эти города на островах устья Меконга.

3-яго июня, на баркасах, пересекли главное течение Меконга - вошли в г. Мито, большой административный центр, от которого идет жел.дор. ветка в Сайгон.

Страшная река Меконг. Ширина ее исключительная к устью. Это, словно, море. Быстрое течение. Буруны мутно-желтой воды. Много островов и островков. Все они покрыты тропическими деревьями и что на них - не видно. Они кажутся дивными и неприступными. Берегов реки не видно. Баркасы швыряют из стороны в стороны и становится жутко от вертящихся бурунов. Переплыли и вздохнули свободно. И, как бы в поощрение - в Мито встретили семью Донского казака Яков Федоровича Аксенова. Он здесь заведывающий строительной мастерской большого предприятия. У него жена, сынишка и две дочурки.

Приятная семья. Приняли нас по-братски, чисто по-казацки. Сам Аксенов умный и твердый казак. К тому же старовер. Очень религиозный. Бывший студент Московского университета. С началом войны 1914 года мобилизован. Великую войну закончил сотником. В месяцы революции был членом Войскового Круга на Дону. Из Парижа выписывает газеты, журналы, книги, чего нам так не хватало в нашем кочующем положении. И сам город Мито и семья Аксеновых, дали нам духовный отдых.

По Меконгу проплыли вверх по течению и 14 июня остановились в Вин-Лонге. 26 июня, вновь по реке, вниз - прибыли в Го-Конг, у самого устья Меконга. Оттуда в Мито и по жел. дороге в китайский город Шалон, что у самого Сайгона. Картина резко переменилась.

Все указанные города одинаковы. В каждом из них есть представительная власт французов. Французские госпитали и школы. Много французских товаров и напитков. Местные жители почти все говорят по-французски, хотя и с большим акцентом, т.к. - надо работать у французов.

Шалон - в 4-х километрах от Сайгона. Чисто китайские постройки. Пагоды. Много ресторанов. Узкие улицы. Какой-то полумрак в городе. Везде китайцы, китайцы, "китаезы" - как их называют французы. Отели переполнены и комнат недостаток. Да и не интересно жить в китайских гостиницах. Не особенная чистота в них и вечный шум. В ресторанах "лязг" примитивных оркестров. По ночам, из Сайгона прибывают сюда французы, что бы повеселиться и откушать чисто китайских - разных "чау-чау". Посетили и мы эти рестораны. В них неприятный запах каких-то испарений острок китайский "специй"... Непонравилось все это. И многие артисты поселились в Сайгоне, как и я с семьей, откуда отличное сообщение на автобусах или на рикшах.

Рикши... На всем востоке это есть легкое и приятное передвижение. Это есть монополия китайцев и немного малайцев. Во всех больших городах - их тучи. В Индии они только в Калькутте и немного. На Бурме так-же. Но индусы не природные "рикшачи". Они ленивы и беспечны. Китайцы-же и малайцы - настоящие "рысаки". Приходилось удивляться, как может человек бежать несколько километров без отдыха?!

На Яве рикш нет. По рассказам местных русских - один богатый китаец, оскорбленный за своих соплеменников, взял патент на право организации этого передвижения на вечные времена на Яве - смеял его, как протест, что - "человек едет на человеке" и, именно, на китаец. Там тогда, при нас, были нарядные двухколесные кабриолетки на рессорах и с балдахином от дождя и солнца, запряженный в одну лошадь. Вход в него сзади, по ступенькам. В нем четыре места. Садятся по-два на каждой стороне, лицом к друг другу. Отличная лошадейка и кучер малаец в чистой цветной рубашке на козлах и в соломенной шляпе. Он вежлив, управлял лошадью хорошо и не скачет как это было в Индии. У голландцев, на Яве и Суматре, где мы работали - отличный порядок, чистота и вежливость.

Почти месяц цирк работал в Шалоне и вошел вновь в Сайгон, уж третий раз. На этот раз, пришел конец и моей работе в цирке. Здесь я получил солнечный удар в голову.

Как писал раньше - по контракту, мы всегда должны быть в черкесках и, конечно, в папахах, тогда как все артисты и жители тех стран, в которых работал цирк - носили пробковые шлемы против жары солнца. Как это случилось со мною - не помню. В один из дней, вернувшись в отель, я почувствовал, что меня кто-то, словно, поленом ударил по голове. Улетучилось соображение. Слышу слова жены, но не все понимаю. Отвечая ей - говорю не впопад. Лишился аппетита. Это продолжалось несколько дней и я не работал. Дальше - может быть хуже. Решил иным трудом зарабатывать "на хлеб насущный" и переселиться в Шанхай, где приобрел много друзей и где предполагал открыть "Школу езды", коих там было три или четыре и которые работали отлично.

Манил меня Шанхай, и своей большой русской колонией в нем и казачьими союзами - в Шанхае и Харбине, с которыми не прерывалась связь. Звал в свою орбитру действий и Атаман Семенов, с которым был один год в Оренбургском казачьем военном училище. Патристические чувства у меня никогда не остывали. Получив китайскую визу - морем двинулся на север и 7-го октября 1937 года - прибыл в Шанхай.

Я попал в неурочное время. Япония была в войне с Китаем маршала Чай-кан-Шека и заняла Шанхай. Жизнь там немного замерла. Закрыты были и школы езды. Одна из них, ротмистра Гурвича - сгорела от японской бомбандировки. Мои планы разрушены. Жить надо. Купили квартиру с квартирантами. Жена поступила на службу во французскую радио-передачу. Сын поступил в русско-французскую школу. Я изредка тренировал лошадей на скаковом поле. О своем перемещении на жительство в Шанхай - донес в Войсковой штаб и получил ~~заблаговременно~~ приказ по Войску от 8-го марта 1938 года за №-ом 3, подписанный Войсковым Атаманом генералом Науменко и начальником Походного штаба полковником Соламахиним о назначении меня - "Представителем Кубанского Атамана на Дальнем Востоке, с обязанностями, согласно положения о существовании казачьих станиц и хуторов за границей и для установления и поддержания связи с возглавителем Российской Дальневосточной эмиграции - с Атаманом Семеновым".

Почему запоздалый?... В феврале месяце, от директора цирка, получил письмо-авион, в котором он предлагал вернуться в цирк на работу на тех же условиях, добавляя, что из Индии прибыл казак Кривчун с женой и двумя лошадьми. А. П. Кривчун женился и остался там в Индии на постоянное жительство. Цирк сейчас работает в Хонг-Конге и потом перебросится на Филиппинские острова, где еще не видели казаков. Я не имел работы. Соблазн был приятный и я согласился. Получив визу и деньги на дорогу - 1-го марта 1938 года, пароходом выехал в Хонг-Конг.

У нас хорошая доходная квартира с квартирантами. Ликвидировать сразу нельзя. Жена должна остаться в Шанхае и только потом, по устойчивости моей работы - прибыть ко мне. Но когда?!... У нас Нансеновские паспорта, которые для получения виз - ничего не стоят. Жена волнуется, но сознает, что предложение для нас выгодное. В глухую полночь, когда наш сын-дитя спал, со слугю-китайцем проводила меня на пристань реки Вампу и, как неживая, печально распрощалась, не зная - когда-же мы снова будем вместе "труа-э-ами жюско бу" - наш семейный лозунг - "три друга до конца". Их я встретил ровно через год, на Малайском полуострове. Такова судьба была нас, безпаспортных....

В ХОНГ-КОНГЕ. МОЙ НОВЫЙ КОНЬ "БЛЕК БЬЮТИ", т.е. -

Черный красавец.

Я в Хонг-Конге. Знакомые места. Все знакомые артисты. У меня нет лошади. Испытанного в работе "Кунака", купил цирк при моем отъезде. Надеялся перекупить - отпала надежда. Конь пал. Где же найти коня в безлошадном Хонг-Конге?!... Их сюда привозят на скаковое поле из Австралии и из Манжурии. Иду к Забайкальским казакам-друзьям, тренерам. Мне повезло. Дикий вороной как смоль конь-австралиец, неподдался тренировки. Он занес тренера через изгородь. Хозяин-англичанин махнул на него рукой, поставил на конюшню и готов продать. Хватаюсь за случай. Прошу казака показать его мне без ведома хозяина. Два китайца-слуги вывели его на двух поводьях. Стройный, тонкий, прыдет ушами и храпит, прося воли. Оседлали английским седлом. Прошу казака сесть в седло. Он отказывается. Уговорил. И едва он левой ногой взял стремя, как конь поднялся на дыбы, но вижу - не зло, а от долгого стояния. Подошел сам, обласкал его, "поговорил" с ним, с конем-то и с осторожностью поднялся в седло. Он заезжил. Юрткий повод, шенкель, ласковое похлопывание по шее - успокоили его. Шагом, потом рысью, прошелся по дворику конюшни. Лошадь, явно, неезжаная, наклонная к послушанию повода. Мне повезло. Узнав кто я -

и для какой надобности покупаю - англичанин уступил мне его за 12 фунтов стерлингов, т.е. - мое полуместное содержание. Он оказался дивный конь и росписку от мистера Р.В. Роберта - храню до сих пор, написанную им на бланке "Хонг-Конгский жокей клуб, от 4 марта 1938 года.

В тот-же день была погрузка цирка на пароход. Конюшни клуба далеко в горах. Лошадь надо вести через весь шумный город. Два китайца-конюха клуба ведут его на двух поводьях-распорках. Мало веря им - иду рядом. Погрузили на пароход в трюме. Он среди лошадей цирка. Пароход вышел ночью, имея путь в столицу Филиппинских островов, в Манилу. Утром конюх-индус докладывает, что конь не принимает корма и не пьет воду. Плыли три дня. И все эти дни, сам лично ухаживал за ним, ласкал, "говорил" с ним и постепенно приучил, видимо, к незнакомому ему корму. "Блек бьютти", назвали его индус-конюхи, т.е. - "Черный красавец". 7-го марта наш пароход причалил к берегу.

В МАНИЛЕ. НА ФИЛИППИНСКИХ ОСТРОВАХ.

Цирк выгружается. Приказано: - за слонами, за лошадьми, за зебрами - для рекламы, неведомым казакам с Кавказа в черкесках - следовать нам с Кривчуном. Оседланного вороного как смоль коня - осторожно веду по помосту на берег. Он храпит, косо водит глазами, напряг свои острые уши и вызывающе идет. Остановились. Весь животный мир постепенно вытягивается в одну линию по улице. Осторожно вкладываю левую ногу в стремя и... только что я стал переносить правую ногу через заднюю луку, как мой "черный красавец", с места бросился в карьер, обгоняя впереди идущих. От неожиданности, я не могу правой ногой попасть в стремя. Мостовая из булыжников. Навстречу движется трамвай и он, дикий конь из Австралийских степей - несется прямо на трамвай, готовый разбиться об него, чем терпеть на своей спине человека... Одна подкова полетела вверх. Зажав его в поводья и шенкеля, ударами ладонью по правой щеке - склонил его направление влево и благополучно миновал трамвай. Остановил и успокоил. И занял свое место позади колонны животных. Но он танцует под седлом и все время рвется вперед. Он весь в поту от нервности и скоро покрылся белой пеною.

"Как-же я буду работать на нем на узком кругу писты?" режет меня думка.

Цирк строился три дня. Ежедневно, утром и после обеда, тут-же, на пустыре, "ломаю" его в манежной езде, по всем правилам науки конника. Вольты, остановки, повороты чередовались непрерывно. На второй и третий день работал с шашкой и пикой. При фланкировке пикой, на удивление, он ничем не реагировал. Потом репетиция на круге, когда цирк был готов. Долго мучил я его в своих необходимых требованиях; и не без страха выехал на первое представление. Ласка и настойчивость, взяли свое. Умная лошадь поняла, что от неч требовалось и сразу же присмирела. И скоро оказалась ласковой, умной и послушной, откликаясь на мой зов легким ржанием, зная, что несу ей морковь.

Кличка "черный красавец", меня не удовлетворяла. Можно быть красавцем, но без положительных качеств. Он был очень изящный, как все австралийские лошади. К нему больше шла кличка, чего-то, полетного. И он назвался мною "О р л и к". Каков он был по внешней красоте - можно определить по фото на обложке, в самом низу ее. Снят у цирка после репетиции. С ним я жил, как говорят - душа в душу. Настоящие конники, заядлые конники, меня поймут.

- * -

По словарю Ф.Павленкова - Филиппинские острова открыл знаменитый Португальский мореплаватель Фердинанд Магеллан в 1521-м году. С 1569-го года по 1898, они принадлежали Испании. С этого года отошли к Соединенным Штатам.

Интересно отметить, что 12 августа 1938-го года, Соединенные Штаты дали полную самостоятельность этому государству, и мы, два Кубанских казака

в черкесах, верхом на лошадях, участвовали в торжестве "Парада Независимости". Это было в городе Давао, на юге большого острова Минданао. Первым по величине является остров Лусон, на котором стоит столица государства, Манила.

Писать историю Филиппинских островов мне не приходится, но кое-что надо отметить...

По географической карте, сохранившейся у меня с тех пор, по наглядной этой иллюстрированной карте и легенде /описанию/ на ней - указано, что это государство состоит из 7,083 островов и островков. Цирк посетил только большие. Вернее - цирк работал только в 13-ти городах некоторых островов.

Столица страны еще не определяет характер государства и ее разноплеменного населения. Манила большой торговый город. Все в нем породие на Северо-Американские Соединенные Штаты, но только гораздо беднее. Язык английский и испанский. Испания владела островами, как своей колонией, ров-377 лет и, естественно, привила свою культуру, а главное - католическую религию, которая очень сильна среди населения. В Маниле много католического духовенства. Живет оно замкнуто. Все это испанцы. Влилась испанская кровь и в некоторую часть населения со смешанными браками. Не редко можно было встретить красивых мужчин, в особенности молодых женщин, явно с испанской кровью. Отразилось испанское влияние и на характере людей. Молодежь вспыльчива и склонна взяться за нож...

В Маниле маленькая русская колония, во главе с вице-адмиралом Ковалевским. Есть православная церковь. При посещении ее, познакомился со священником отцом Роман, в прошлом лейтенантом Черноморского флота Штурмер и его супругой Ксенией Николаевной. В настоящее время они проживают в Сан-Франциско.

Тесен Божий Свет... Совершенно случайно, в русском клубе, представили мне казака Терскаго Войска Николай Георгиевича Прокопова. Он офицер выпуска из сотни Николаевского кавалерийского училища в Петербурге 1914 года, перед самой войной. Так это было приятно, за тридцать земель, за многими морями-океанами, встретить родного брата-казака! Нашлись по Тереку и Кубани общие знакомые и друзья-сверстники. От него узнал многое о Филиппинских островах, о населении, об обычаях народа, как и посетили вместе многие достопримечательности столицы, вплоть до государственной тюрьмы. Черкеска перед начальником ее, филиппинцем, позволила войти во внутрь ее. Магическая она, как и слово "казак". Полковник Прокопов умер в Маниле.

В Маниле, цирк работал месяц, с 7-го марта по 6-е апреля. Единственная железная дорога находится только на острове Лусон. Сообщение с другими островами происходит морем. И вот, из Манилы, поездом, цирк двинулся на юг, в г. Лусена, на берегу моря. Повернув назад - прибыл в Сан-Пабло. Через Манилу двинулся на север в Сан-Фернандо, Тарлак, Энжелес. Все эти чистенькие города острова Лусон, как и население, Испанского влияния.

Поездом вернувшись в Манилу - погрузив на пароход 27 и 28 мая. Тихое море. Теплынь в воздухе. Наш пароход проходит мимо многих островов и островков и выгружается в городе Илоило, на острове того-же названия, находясь в пути ровно двое суток.

Морем перешагнув широкий пролив между этим островом и островом Негрос - высадились 13 июня в г. Ваколод. Город большой, богатый. В нем работали три недели. Потом вновь на пароход, плывем на север, огибаем остров Сибу, поворачиваем на юг и выгружаемся на этом острове в его-же главном городе, носящем то-же название - Сибу. В нем стоим три недели, т.к. город богат.

Вновь по морю тихому на юго-запад, в г. Замбанга, куда прибыли 28-го июля. Это второй по величине остров на Филиппинах - Минданао. Здесь царство кокосовых пальм, а отсюда и коносовых орехов. Их горы. Здесь иные

жители и племена. Ничего ни американского, ни испанского.

Огибаем остров с юга, поворачиваем на север, в один из его заливов и 11-го августа высаживаемся в г. Давао. Это самый южный город Филиппинских островов. На удивление - здесь много японских лавок. Здесь образная экзотика. На север - горы и леса. Остров полудикий. Здесь живут полупервобытные племена "моро" и "багобо". Спустившись с гор, в цирк приходили они целыми семьями. У них короткие незастегивающиеся куртки в талию и до талии. Узкие штаны до колен. Талия перехвачена поясом. Конечности коротких рукавов и штанов в чешуйчатых украшениях кольцами. А за поясом, на левом боку, длинный нож-кинжал в деревянных ножнах.

Почти так же одеты и их женщины, имея на ногах массивные браслеты-кольца. Взгляд их строгий. Они стоят своими гуртами в ожидании открытия цирка и ни с кем не общаются. Все босые. Жилища строят на крупных пнях деревьев. Это есть шалаши из бамбука. Пни в два-три роста человека. Знатки говорили, что это есть недоступность для змей, которых там много и которые очень опасны. В альбоме своем имею снимки - и этаких людей и их жилища. Это племя миролюбиво. Племя же "моро" - наоборот. Встретясь с европейцем в джунглях - они их убивают, отрезают головы и, как трофей, уносят с собою. Так погиб наш общий знакомый по Маниле, молодой человек, охотник-исследователь по минералам. Его труп найден в джунглях без головы. По фото в альбоме, "тип моро", по крупной челюсти, говорит о его жестокости.

- * -

Вернусь немного назад. Месяц работая в Маниле - наблюдал жизнь. Все школьники, идя на учебу, имели в левой руке книги в санважине, а в правой руке деревянное ружье. Полковник Прокопов, живя много лет там, пояснил, что в школах, проходится и военная муштра во всех классах всех учебных заведений. Воскресенье. На площади батальон учащихся. Они в красочных формах мундиров. Белые и голубые мундиры в талию и до талии, расшитые жгутами застежками на груди. Длинные брюки такого же цвета с узкими лампасами под цвет жгутов. На голове высокие кивера цвета мундира с "эспри". Все это, словно мундиры Наполеоновской эпохи. Все очень нарядно, элегантно и красиво. Все начальники, до командира батальона включительно - только учащиеся. Командиры взводов, рот и батальонный - при легких саблях в металлических ножнах. В стороне стоит генерал в походной форме и коротко дает распоряжение батальонному командиру сделать некоторые перестроения в сомкнутых строях. Молодой человек при сабле, в кивере, легко бежит, становится перед строем и отчетливо подает команды. Роты раздвигаются, перестраиваются, заходят фронтом и, вообще, производят полное пешее учение, словно юнкера. Стоит тишина, только слышны короткие слова команды.

Учение-смотр окончены. Начался парад. Духовой оркест так же учащаяся молодежь и так же красочно одеты.

Не буду писать о личном восторге, наблюдая столь приятную картину для всякого военного. Она выше похвалы. И потом узнал, что это готовилась армия для Независимого государства, каковым должны быть Филиппинские острова.

И вот - мы в г. Давао, на острове Минданао. Здесь объявлено торжество и назначен парад на 13 августа, в 40-летие освобождения островов от Испанского владычества. Администрация цирка приняла в этом участие. Для парадирования по улицам - командированы мы, казаки, в черкесках и на лошадях.

Что меня удивило и восхитило - это духовой оркестр исключительно из девушек, в таких же Наполеоновских мундирах, в киверах с "эспри". На Филиппинах тепло, даже жарко. Давао находится, приблизительно, на 5-м градусе северной широты от экватора, поэтому - мундиры были легких материй, белого цвета, с желтыми шнурами и лампасами на длинных брюках до ботинок. Филиппинки брюнетки. Очень стройны. Многие с испанской кровью, с прямым тонким профилем, матовым лицом и красивыми продолговатыми глазами. Поэтому, подобный военный оркестр в описанных мундирах - вызывал восторг, кто

видел его. Казаки шли верхами впереди всего этого красочного патристического ансамбля.

Не могу утверждать, но, кажется, в этот-же день, Северо-Американские Соединенные Штаты - дали полную Независимость Филиппинским островам. Во всяком случае, потом, в газете на английском языке мы прочли, что - когда в Маниле спускали Американский флаг на торжестве и поднимали Филиппинский, то один старый ветеран в войне за независимость против Испании, наблюдая это, сказал:

"Дай Бог, что бы и этот Американский флаг, больше бы не поднялся над нами"

- * -

В цирке удивительные маршруты. Из Давао, огибая остров Минданао с востока - плывем между многими островами на север. Плывем около трех суток, 8-го сентября прибываем в Манилу, перенужаемся в вагоны и по жел. дороге движемся на восток, в г. Нага. 27-го в г. Легаспи. Затем поездом через Манилу на самый север острова Лусон, в г. Дагупан, куда прибываем 27 сентября. Голый сыпучий песчаный берег. Неужто можно сказать - здесь высадился Японский десант против Американских войск генерала Мак-Артура, вытеснил их с острова и занял Манилу.

Из Дагупана повернули на юго-восток и прибыли в Кабана-Туан 8-го ноября.

1-го декабря вернулись в Манилу, дали двух-недельное представление и 17-го декабря, погрузившись на пароход - двинулись в Сингапур, в который прибыли через три дня, 20-го декабря 1938 года, пробыв на Филиппинах ровно 10 месяцев.

Путешествие по морю между островами, можно считать приятной экскурсией. Так как это сообщение меж ними было "единственной дорогой" и для жителей, то его поставили соответственно духу населения. Филиппинцы любят музыку и танцы. На каждом пароходе смешанный небольшой оркестр. Игра его нежная, плавная, растворяющая душу, в особенности в мотивах вальсов и танго. Оркестр играет, и в ресторане во время еды и потом на палубе, исключительно для удовольствия пассажиров. При оркестре солист, который поет под его аккомпанемент. Наши артисты, знатоки музыки, удивлялись и восхищались тонкому пониманию ими музыкального искусства и исполнения.

ВНОВЬ НА МАЛАЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ.

В Сингапуре цирк уж третий раз. Он мною описан. В нем работали пять недель. Добавлю что пропущено.

Сингапур есть остров между обоими южно-восточными оконечностями Малайского полуострова, на котором раскинут и город того-же имени. Это есть "прямое владение Британской Империи" - "Стрет Сетлемент" - как везде написано в официальных местах. Островок от материка отделяет узкий пролив, через который мост. По нем проходит железная дорога дальше на полуостров. По этой жел. дороге цирк, пройдя мост, расположился в Султанате Джагор. Султан женат на англичанке. Были в саду дворца Султана. Позади, в глубине сада, дворец. Ничего особенного, просто, усадьба богатого человека.

Двигаясь на север - 2-го февраля вошли в г. Малакка, на берегу Малакского пролива. Нарядный курортный городок. Чистота. Тропические растения. Берег в каменистых природных плитах. Чистая синеватая вода. Купаешься, будто в теплой ванне.

Покинули этот прелестный городок и прибыли в Куала-Лумпур, столицу Малайского полуострова, где уже работали в 1935-м году. Здесь узловая жел. дорожная станция, фантастически-нарядный двух-этажный вокзал чисто

в Мавританском стиле, весь прорезанный арками самой разнообразной формы, будь то двери, окна, разные проходы, входы и выходы из него; а на всех углах здания высятся купола, подобие мусульманской мечети, с острием стреляющим в небо... Хотя, это и есть мусульманский мир. Малайцы, в громадном своем большинстве, мусульмане, поэтому здесь, и чистота, и порядок и нет нищих. Но - все это под протекторатом Великой Британской Империи.

После трех-недельной работы в этом мусульманском городе с постройками Мавританского стиля - цирк переехал в г. Куанг, а через 2 недели дальше на север, в Ипо. Сюда, из Шанхая, прибыла жена с сыном Жоржем, коих не видел ровно один год. Началась новая жизнь. Сыну пошел 7-й год. Он уже сознательный мальчик и довольно прилично говорит по-русски и стал любимцем всего цирка, даже и служилей-индусов.

Цирк движется дальше на север. Прошли города - Куала-Нагсар, Тайпинг, Парит-Бунтарг и 7-го мая перебрались на остров Пенанг с роскошной тропической растительностью, а через месяц, погрузившись на пароход, и прорезав Малаккский пролив на юго-запад - выгрузились на острове Суматра, в городе Медан, столице острова. Это было 8-го июня 1939 года.

НА СУМАТРЕ. КОНЕЦ РАБОТЫ С ЦИРКЕ.

Мы вошли в новый мир. Это есть Голландская колония. Как и на Яве у них - сохранились старая постройки чисто своего, Голландского типа. Это очень высокие крутые крыши, покрытые толстым слоем каких-то тростниковых растений. Они не пропускают обильную воду тропических дождей, как и не пропускают лучей тропического солнца. На главной площади города - громаднейший, длинный и высокий, сарай с подобной крышей. Она начинается на один сажень от земли и круто шла вверх. То оказался крытый городской базар. Вошли в него из-за любопытства. Чистота. Правильные ряды торговки-малаек в своих накрахмаленных белых кофтах и сарунгах. Сидя на полу, они продают фрукты и овощи. Мясные ряды отдельно. На полу никаких отбросов. Голландцы любят чистоту и привили ее малайцам.

А вот сами голландцы. Народ крупный, спокойный. Экватор проходит посредине Суматры, следовательно, здесь тропическая жара. Несмотря на это - все голландцы одеты в белые костюмы и при галстуках. Здесь большие каучуковые плантации и нефтяные источники. Голландцев здесь много. Они трудолюбивы. И, как видно, не кичатся своим превосходством над местным населением.

В Индии, англичане живут изолировано от индусов. На вокзалах отдельные "залы ожидания" для индусов и, вообще, для европейцев. В поездах так же отдельные вагоны. В больших городах, даже, отдельные почты для белых и для черных. Если нужно, в кассе для черных, несмотря "на очередь" - белый человек идет вперед и покупает что ему нужно. Так делали и мы, артисты цирка. И вот, в Медане, войдя в почтовое отделение, вижу очередь у кассы. Малайцы чисто одеваются. Длинные белые брюки, белая рубашка распашенка. Я миная очередь, подхожу к кассе и прошу почтовую марки. Вдруг чиновник-голландец, указав пальцем на линию малайцев - предложил "стать в очередь". И я, в папаче, в белом бешмете-рубашке до колен, в наговицах через колено, затянутый ремнем по поясице - стал в очередь с малайцами, чтобы купить почтовых марок. Мне было стыдно от этого...

Правда - индусы сильно разнятся от малайцев и аннамитов в Индокитае. Малайцы и аннамиты уж европеизированы. Многие носят штатские костюмы с галстуками. Индусы, даже и богатые, носят только свой национальный костюм. В массе - там беднота. От жары - всегда полуголые. На бедрах грязный белый сарун до колен, жгутом пропущенный меж ног и заткнутый за спину. На голове грязный тюрбан. Почти все босые и, вообще, немые. Тело пропитанное маслянистым натиранием против лучей солнца. Запах ото всего существа неприятный. Это чисто физическая сторона, а вторая - престиж англичан, непозве-

дяющий смешиваться с местным населением. К нему привыкли немножко и мы.

На Суматре - повара и сапожники голландцы, чего не могло быть в Индии для англичан. Да и французам в Индокитае.

Малайцы услужливы. Зайдешь в ресторан, как будто слуг нет. И только что сядешь за столик, как тут-же, из-за соседнего столика поднимается маленькая фигура во всем белом /китель и длинные брюки/ и белой полотняной шапочкой-вереником на голове и он безшумно подойдет к вам и ждет заказа. Костюм его накрахмаленный, но сам он босый... для безшумности ходьбы по паркету залы.

На Суматре единственная железно-дорожная ветка, связывающая промышленные города и городки. Поезда ходят только днем. На ночь все останавливается.

"Почему?" - спрашиваем.

"Да некому и не зачем ездить ночью"... был ответ.

Тихий остров. И полудикий. На северной оконечности его не рекомендуется появляться европейцам. Их убивают в лесах - так пояснили нам голландцы.

И вот, по этой единственной железно-дорожной колее, цирк прошел города: - Сиантар, Танджонг-Балей, Рисаран, Тибинг-Тинги, Бинджей, Танджонг-Пура, Пангколан-Брандан и 26 сентября вернулся вновь в Медан. Начались представления и вдруг... Германия Гитлера атаковала Польшу. Англия и Франция объявили войну Германии. Эти события, как-будто, не нарушили работу цирка и не отразились на Суматре, но внутри что-то оборвалось.

15-го октября цирк официально закрылся. Хозяин, русский еврей из Сибири, недавно получив Британское гражданство, перевез все имущество цирка в Сингапур, на территорию Британии. С ним уехали и многие артисты. Мы-же, казаки без Родины, без своего Отечества, имевшие Нансеновские паспорта - были оставлены на Суматре и вошли в подчинение эмиграционного комитета, который должен был беспокоиться о нас.

НОВЫЙ ЭТАП ЖИЗНИ. . . .

В Медане находился представитель Французского генерального консула в Батавии /на Яве/, голландец "ван де Каstellо". Он с женою, как прибывшие из Франции, где прожили несколько лет, обратились за советом: - "как быть? что нам делать?"... Скоро появилась большая статья в местной газете о затруднительном положении казаков, в особенности обо мне, как полковнике и участнике Великой войны 1914-17 гг., у которого жена и маленький сын. Мы не нуждались денежно, но сердобольные голландцы поняли иначе: - нам, в особенности жене и Моржу, посыпались многочисленные посылки "от неизвестных"... Жена ван де Каstellо отлично говорит по-французски, подружилась с моею женою и, безусловно, в этом играла главную роль. Было, просто, неудобно принимать такую помощь и ласку. У них три дочери. Младшая чуть старше нашего Моржа. Он у них в фаворе. Но, кроме того: - в Медане несколько немецких семейств старожилов. Узнав о нашем положении - зовут в гости. Жена с детства говорит по-немецки и разговор льется рекою за обильным столом. Немец, по фамилии Лунев, просит меня давать ему уроки русского языка, но обязательно за плату. Он уже знал несколько фраз по-русски, в особенности фразу: - "заложим за галстук" ... и при этом, щелчком ударял себя по воротничку, что, по-русски, означало "выпить"... Мы смеемся, но он настаивает. Занятия начались в его доме. Было весело и смешно. Через полчаса занятий, он всегда говорил: - "ну... на сегодня довольно... а теперь пойдемте заложим за галстук, - май либер оберст /мой дорогой полковник/. Это у него была легкая закуска и две-три рюмки коньяка.

Прибыл из провинции к нему гость - высокий стройный, воински подтянутый, немец лет 30-ти, отлично говоривший по-русски. Представился мне и назвал свою фамилию - Ливен. Он очень вежливый и предупредительный к дамам.

Вообще, молодец с очень военной жилкой. Заинтересовавшись им, спрашиваю:

"Имеете-ли Вы какое-нибудь отношение к князю Ливену, командовавшему войсками в Прибалтике против большевиков в 1919 году?"

"Нет... моя фамилия не княжеская, а происходит от народа "ливны", жившаго в Прибалтике, а теперь онемечившагося".

Этот ответ заставил меня подумать - как сильна ассимиляция. А теперь мы видим, и бодем, над нашим поколением, которое также ассимилируется постепенно, даже и среди казаков...

К О Р О Т К О О Н О В О М Э Т А П Е Ж И З Н И . .

Надо было думать - что-же делать?... чем заниматься?... как устраивать свою жизнь и судьбу в дальнейшем, вне Отечества?

Крестная мать нашего сына французенка, жена главного директора всех таможен в Индокитае. О своем положении написали им в Сайгон. Они нас оч. любили. Мисье Гутторб скоро прислал ответ, и запрос и копию декрета Французского Правительства от июля сего 1939 года, в котором сказано, что - "В случае войны, все офицеры союзных стран по войне 1914-18гг. имеют право поступить во Французскую армию на время войны на следующих началах:-

- подпоручики - сержантами; поручики - су-лейтенантами /т.е. подпоручиками; капитаны - лейтенантами /во Французской армии штабс-капитанского чина нет/; полковники и генералы - капитанами. Все должны пройти медицинский осмотр и экзамен по-французскому языку. Мисье Гутторб советует мне дать согласие и я с семьей буду перевезен в Сайгон на правительственный счет.

Считая, что союз Германии Гитлера с красной Россией есть ненормальный, я дал согласие. Переписка затянулась, что бы оформить все это. Потом получаю визы и билеты на пароход - Медан, Сайгон. Долгожданная "весна", похода на красную Москву, казалось, пришла....

В Медане клуб конников-голландцев и отличный крытый манеж. Наши лошади давно там на полном и бесплатном пансионе. Мы там уже свои люди. Маль было разставаться со своим, таким ласковым и послушным "Орликом", он же и "Блек бьют" /Черный красавец/, но пришлось его продать одному из членов клуба, ровно вдвое дороже, заплаченной за него мною. Седло, шашку, пику, все кинжалы и черкески, конечно, взял с собою.

4 марта 1940 года мы прибыли в Сайгон. Прошли мои экзамены и "досье" /дело/ было отправлено в Париж на утверждение переименование меня в капитаны и зачисления во Французскую армию, но... Германская армия заняла Париж, Французское Правительство эвакуировалось в Бордо и мое досье, как уведомили меня - "диспарю", т.е. пропало без вести.

Я решил забыть это и поступил на службу в один из складов Французского строительства. Устроился не плохо. Появились новые знакомства, и французы и российские старожилы. Событиями - японский корпус войск вошел в Индокитай. Потом ими были заняты Камбоджа, Малайский полуостров и дальше, с суши Сингапур. Потом Бурма, Ява, Суматра. Везде была победа Германии в Европе, а Японии на всем юге Азии. Французы в Индокитае начали готовиться к сопротивлению японцам. Я был вторично вызван в штаб, вновь прошел оба экзамена, но ввиду недостаточного знания Французского языка - был назначен лейтенантом в 5-й пехотный полк Иностранного Легиона, расквартированного на севере Индокитая, в Тонкине.

Как кадровый офицер Российской конницы, я подал заявление служить в одном из кавалерийских полков Иностранного Легиона, которые расквартированы были в Сирии и в Алжире. Теперь, Франция была занята Германскими войсками и подчинилась Берлину. Англия, своим флотом, отрезала Французские колонии от их метрополии и живая связь прекратилась с нею. Вот потому-то и назначен я был в пехотный полк в Индокитае, независимый от Германии.

Я не был огорчен, что вместо чина капитана, переименован в лейтенанты. Во Французской армии, капитан должен командовать ротой. Я - конник. Пехотного строя не знал. Не знал и уставов строевой службы их армии. Естественно - я не мог быть командиром роты.

События в Индокитае развивались. Что бы обезпечить себе тыл - в начале марта 1945 года, в одну из ночей, японцы атаковали все гарнизоны Французских войск с кровавыми потерями для последних, разоружили их и заперли в лагеря. Наш полк Иностранного Легиона ускользнул и отступал в Китай, к маршалу Чай-Нан-Шеку, в Чункинскую область. Наш 3-й батальон отходил по джунглям по тропам и без троп... до соединения с другими батальонами.

Преследуемые японцами, через три недели полк был уже недалеко от Китайской границы. Наш Брвергардний батальон, беглым шагом, в недостаточном порядке, отступал вниз по длинной змеинообразной дороге, оставив меня с 15-ю легионерами и двумя ручными пулеметами на перевале прикрыть его отход, потом самому сняться с позиции и следовать за батальоном. Прикрыл, снялся с позиции и отходил. Японцы долбили нас перекидным огнем бомбометов. С тремя легионерами нес своего тяжело раненого напрал-шефа Колерского /поляка/. Он умер на второй день, истекши кровью. Неся его вчетвером - обезсилился. Спас его, но сам был ранен, отходя последним... Мои легионеры меня уже не видели. Японцы не брали в плен, а приканчивали наших штыками в безответственных джунглях. Зная это - вполз в эти джунгли, спасаясь. Через полчаса времени - японский пулемет заговорил уже позади меня....

Кошмарная ночь. На утро вышел на дорогу и на счастье - наткнулся на взвод радио-связи японских солдат, под командой лейтенанта Сано. Это спасло меня от расправы. Шести-месячный плен в Ханое всех Французских войск северного Индокитая. Потом американская бомба на Херошима, капитуляция Японии и наше освобождение, переезд во Францию и демобилизация в апреле 1947 года, в Париже. Все это мною описано в хронологическом порядке после джигитовки и скоро выйдет книга в 150 страниц, под заглавием:

В ИНДОКИТАЕ ПРОТИВ ЯПОНЦЕВ И В ПЛЕНУ У НИХ.

- . -

Я с семьей в Париже, имея 6-ти месячный отпуск с сохранением содержания по чину лейтенанта. 7 апреля 1947 года демобилизован и снял мундир Легионера с орденом "Круа да гэрр 2-й степени". Я свободен. В Голландию выехала группа джигитов Донского казака Григория Снесарева. Получил от их хозяина-голландца влиться к ним. Никого из группы джигитов я не знал, но среди них был мой полковой адъютант 2-го Хоперского полка, "От Воронежа и до Кубани 1919г." - хорунжий А.С. Галкин /Н.П. Корсов - его новая фамилия/. С группой исколесили Голландию, потом Швейцарию. Отличное жалованье и удобства жизни в культурных странах.

В следующем 1948-м году, тот-же предприниматель, г-н Клейн - предложил мне сформировать новую группу. Составил ее из кубанцев. У хозяина громадный специальный камин на десять лошадей. Лошади были его. Позади шофера кабина на 10 джигитов с двумя дверцами со стеклами. Удобства были исключительные. Жалованье, как говорят, было министерское. Работали только в Голландии и недели две в Остендо/Бельгия/. Когда-то об этих двух годах джигитовки, опишу отдельно. Это был конец "На коне по Белу Свету"....

В апреле 1949г. получил визу и с семьей переселился в Америку, в самый Нью-Йорк, где и живу донныне.

- . -

Следующия брошюры будут под заглавием - "ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ". Всего выйдет, думаю до десяти брошюр. Предварительная из них будет под заглавием - "МОИ ПЕРВЫЕ ШАГИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ".

Февраль 1966г: Нью-Йорк.

Полковник Ф.Е. Л и с е е в.

ПРЕЛЮДИЯ КОВАРНОГО АЛЬБИОНА.

15204

арти - член 707.

Один из английских орденов ген. А. Г. Шкуро.

"Супруге полковника Российской армии, от супруги полковника Британской армии". "Вообще, при всех встречах, знакомствах и наблюдениях - я никак не мог найти у англичан того, что дало бы повод о них говорить - "Коварный Альбион". Я всегда встречал с их стороны предупредительность и корректность".

Такой концовкой закончил свой третий очерк "На коне по белу свету" Ф. И. Елисеев, напечатанного в газете "Новое Русское Слово" от 10 июня 1970 года за № 21.911.

Не могу понять, как это у него, у заслуженного полковника, бывшим в казачьих частях в период ПЕРВОЙ мировой войны и журналиста-очеркиста и джигиты - т е п е р ь не дрогнула рука или "не отсохли" пальцы так написать. Непонятно, для какой цели втиснуты эти тонко завуалированные лицемерно-похвальные строчки. Неизвестно, кому нужен такой его замысел, кому нужна была такая его лесть англичанам, в наши юнские дни ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЯ Казачьей Трагедии.

Ежегодно, ПЕРВОГО ИЮНЯ, все сознательные казаки и казачки собираются во всех странах беспокойного мира МОЛИТВЕННО помянуть ДЕНЬ Казачьей "Катыни" - расправы среди белого дня, двадцать пять лет тому назад. Они - казаки всех Казачьих Войск, отмечают его как день ВСЕОБЩЕЙ скорби, горя, печали, воспоминаний и поминовения павших за Н А С, как день трагедий насильственных бесчеловечных и истязательных выдач русско-коммунистическим палачам англичанами из всех тех мест, где казаки ВСТРЕЧАЛИСЬ с ними.

Такую концовку очерка никак нельзя назвать опиской, недомыслием или небрежностью г-на Ф. И. Елисеева. Эта похвала-подхалимах, пошлость, лесть, ложь, облагораживание, и аттестация англичан в целом, как ДЖЕНТЕЛЬМЕНОВ в настоящее время резко режет слух. Эти строчки можно понять и принять, как УМЫШЛЕННОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ и унижение достоинства ВСЕХ казаков: пережившим выдачи, "березовскую болезнь", спасшимся от охотников СМЕРШа, за казачьими головами, советские концлагеря и всем живым потомкам погибших казаков. Страх и тень прошлого и по сей день живёт ещё в "недобитых" жертвах печальной памяти Лиенца.

Сам того не замечая, г-н Ф. И. Елисеев, в том очерке невольно подчёркивает: надменность, высокомерие, превосходство, презиранье и поведение его "друга" подполковника Гриира, показавшего и подчеркнувшего своё "благородное" отношение к туземным офицерам и солдатам. Как командир полка, так и подполк. Гриир, повидимому, офицеров и солдат цветных войск, а особенно индусов, племени "гурки", считали тоже варварами.

Как мог человек, г-н Ф. И. Елисеев, называющий себя "казачьим полковником российской Императорской армии", написать всё это, неуместное в наше время, когда вышла новая книга "КАЗАКИ", на английском языке, Филиппа Лонгворта, тоже англичанина, который в книге искажает и скрывает правду о казаках, не восхваляет казачьи былые подвиги, не только в Первой мировой войне, но

и в битвах с Наполеоном. Клеветает и обзывает ВСЕХ казаков/и младенцев, подростков и женщин, — чувствуется отголосок "всем на родину"/не только варварами, но и бандитами, насильниками и убийцами, ВСЕ высший казачий генералитет, казачью интеллигенцию, духовенство, ученых и профессоров-американцев казачьего происхождения.

Для писателя-англичанина Филиппа Лонгворта, г-н Ф.И.Елисеев-неожиданная находка. Вдумайтесь в строчки концовки очерка-явная защита и пресмыкание перед англичанами и лишь потому, что автор очерка несколько десятков лет тому назад, встретился-познакомился "рысью на коне" с одним полковником. Покойный ген. А.Г.Шкуро, не в пример Ф.И.Елисееву, думаю такое восхваление не написал бы, а последний не прожил с английским подполковником годика два-три, не побыл с английскими офицерами хотя бы с полгода. Тогда бы он не написал бы вышеприведенную чушь-концовку.

Очень жаль, что "полковнику российской Императорской армии"/существенная поправка: как редакции известно Ф.И.Елисеев только "ЕСАУЛ российской Императорской армии", а ПОЛКОВНИК КУБАНСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ АРМИИ, прим. ред./не привелось побывать на офицерском "совещании" в гор.Шпиталь, в числе тех двух тысяч казачьих офицеров и чиновников, которых коварно обманули "предупредительные" английские вояки-джентельмены, встретившими офицеров не "корректностью", а самым настоящим вымогательством одесских сутенеров, мародерством, спекуляцией ростовских жуликов, а впоследствии трофейным конекрадством, кому могли бы, с нескрываемым восторгом, позавидовать бедные цыгане.

Очень жаль, что "полковник российской Императорской армии" не встретился и с другими культурными джентельменами/хотя бы в "порядке культурного обмена"/, с красными коммунистическими офицерами СМЕРШа, в Юдинбурге, в Граце, в Киеве, в Сталинске, в Караганде, за Уралом много точек приносящих смерть человеку; пройти-проехать, не на коне, весь тот мучительный, кошмарный и трагический путь, который прошли казачьи офицеры старой эмиграции, оставшись живыми/пожелал бы и ему/, но инвалидами, калеками и больными, но вернувшись из советских ссылок, куда они попали после ВСТРЕЧ и ЗНАКОМСТВ с английским коварным Альбионом, дававшим "честное слово" офицера английской армии и даже "честное слово" офицера Королевской Гвардии...

Не краснеет-ли теперь Ф.И.Елисеев, читая книгу сэра Филиппа Лонгворта "КАЗАКИ", внушительный труд в 409 страниц. Он в этой книге не найдёт положительную характеристику казакам, не встретит, хотя бы пять строчек из его очерка "На коне по белу свету", в котором есть восхитительные эпизоды из жизни джигитов. В книге Филиппа Лонгворта, он не прочтёт что-либо в защиту казаков, в ней даже нет имён тех казаков, известных всему миру, и тех казаков, которые более полувека тому назад были для англичан знаменитыми героями. Не таким, как теперь защищает, благородно и благодарственно англичан, г-н Ф.И.Елисеев. А где геройские подвиги, в то время полковника А.Г.Шкуро и его станичников-казаков, награждённых орденами Королевской Англии. Всего этого в книге "Казачьи" — нет! Почему?

Не бледнеет-ли, теперь, в июньские дни Казачьей скорби "полковник российской Императорской армии, читая всем известные события печального 1945 года, в книгах ген. В.Г.Науменко "Великое Предательство" и священника Федора Горб-Кубанского: "Не забудем-не простим", и ряд других статей и очерков, рассказов и повестей очевидцев-свидетелей жестокой расправы над мирным казачьим населением Казачьего Стана.

Теплятся пока свечками, воспоминания казаков свидетелей и очевидцев, книги ген. В.Г.Науменко и о Федора Горба о предательстве и коварстве англичан, НО ПРИДЁТ казачий крупный талантливый писатель-историк и пламенем зажгётся его книга, уничтожив одной искрой правды просоветскую и пристрастную книгу Филиппа Лонгворта "Казачьи".

Если же автор очерков "На коне по белу свету", казак по природе и джигит по натуре, и не поражены его сердце и мозг склерозным предвестником, а бляшками хорестолы не засорена, когда-то, горячая кровь услужливо-дебитирующего офицера, то как он может быть спокоен и равнодушен к ВСЕОБЩЕМУ КАЗАЧЬЕМУ ДНЮ скорби, горя, печали и писать хвалу "а ля Томми" и не может

найти у них того, чтобы дало повод о них говорить - "КОВАРНЫЙ АЛЬБИОН".

Если казаки народ неслыханных варваров/слышите-ли Вы, г-н Ф.И.Елисеев, эти слова не Ваши, - отрекайтесь от казаков/, то невольно напрашивается вопрос к Филиппу Лонгворту: Почему, англичане, высокообразованные, культурно-цивилизованные джентельмэны Великобритании, когда-то владычицы мореходства, почти всех морей и портов и бесчисленных колоний также, почти во всех странах, наградили высшим английским Орденом Бани, Британским Львом и другими наградами, "АТАМАНА ВАРВАРОВ" ген. Ш К У Р О, его офицеров и казаков? Зачем же, тогда же, разнесли "по белу свету", достойную казакам славу о них, как о героях-казаках, по всему земному миру. Устраивали этим "варварам" торжественные встречи, исключительно искренние и радостные/насколько это возможно и свойственно англичанам/приёмы, на которых казаков фотографировали со всех сторон, во всех положениях: на конях и под брюхом коней, вызывая джигитовкой шумные одобрения, приглашали на банкет за банкетом. Такие фотографии обошли все английские журналы и газеты, не говоря о других странах.

На фотоснимках, рядом с "варварами" стояли высокомерные, культурные и корректные джентельмэны. Британские туземные войска проходили парадным строем перед кучкой "варварской" сотни казаков, почётно окружёнными восхищёнными дамами местных английских гарнизонов и высшим командованием...

Было это и в Месопотамии и в Персии, и там, где находились английские гарнизоны и казаки встречались с ними. Персия, тоже была страна отсталых и варваров. Вспомните казаков, охранявших российское посольство в Тегеране, растерзанных-разорванных на куски персами, толпой фанатиков, ненавидящих русских и английских пришельцев, при самосудном убийстве и растерзании российского посла А.С.Грибоедова в 1829 году, писателя-драматурга, автора бессмертной комедии "Горе от ума". Читал-ли его Ф.И.Елисеев. Читал-ли Филипп Лонгворт какой геройской смертью пали на своём казачьем посту казаки, которым Российская империя доверила охрану своего посольства в Тегеране? Нет, не читал! ПОЧЕМУ?

Об этом "забыли" англичане, при неожиданной встрече с вожаком "варваров", "немецким наёмником", "коллаборантом" и "изменником"/кому?, ведь ген. А.Г.Шкуро был идейным антикоммунистом, бескомпромиссным, никогда не изменявшим свои взгляды на СССР, какими были "мудрые дальновидные авторитетные английские дипломаты-политики/, увидев на груди его черкесски английские ордена, награды и значки, рядом с российскими наградами и "гражданской" войны, /которых не каждый из английских генералов имел/, "ЗАБЫЛИ" даже отдать ЧЕСТЬ КОРОЛЕВСКИМ НАГРАДАМ, в своё время омытые искренними слезами гордости, восторга и радости.

Было, когда-то, славной традицией в Англии, выдающимся, отличившимся и героям королевские ордена вручать ЛИЧНО королём или королевой, а также и ими или от их имени лишать, отбирать. Все высшие ордена и награды имеют на оборотной стороне порядковые номера, которые и записаны в королевской летописи.

И об этом "забыл" английский корректный джентельмэн, грубо сорвал с груди, не им вручённые ордена, сунув в карман своей клетчато-шерстяной шотландской юбочки, и теперь, повидимому, хранит/иначе говоря-присвоил/, как сувениры, в своей обширной библиотеке, в домике в Кенсингтоне, над мутно-грязной рекой Темзой, вспоминая иногда и другую кристально-чистую бурную реку Драву.

Вот об этом, об этих отличиях и наградах ген. А.Г.Шкуро и казаков, Филипп Лонгворт, в своей книге не пишет. ПОЧЕМУ?

Двадцать пять лет тому назад, вместо пробковых головных шлемов, защита от июльского солнца на пустынях Месопотамии и Персии, первого июня 1945 года, несколько десятков английских "Томми" оседлали свои "благородные" носы тёмными очками, защита не только от южного кэрntenского солнца над долиной

Смерти и ущельями реки Дравы, но и от стыда, за позор английского мундира, перед беззащитными детьми, женщинами, безоружными и обезоруженными казаками-юнкерами.

Если эти строчки не прочитают английские джентельмэны, через услужливого наездника-переводчика, не дойдут до них, а в частности до автора книги "КАЗАКИ" Филиппа Лонгворта, выучившемуся не художественно-литературному русскому языку, а советскому, с коммунистическим "акцентом" и "налётом" блатных уркаганских слов, то КАЗАКИ прочтут эти строки и сами разберутся КАКИМ СОВРЕМЁННЫМ СЛОВОМ назвать такую персидскую прелюдию и английских композиторов. Назвать без всяких нот, но прихлопнув партитуру англичан, променявших свои хлысты-стаки, вместо дирижёрских палочек, на дубовые топорщица /для топоров австрийских лесорубов/, на дубинки и приклады автоматов и винтовок, выдавшим доверившимся им: женщин и детей, стариков и инвалидов... коней и верблюдов. Все они: люди и животные поверили исполнителям кровавого концерта. Разве были военными преступниками, дезертирами, немецкими наёмниками, изменниками родине и советскими подданными грудные дети и подростки, родившиеся во время казачьего похода, старые эмигранты, бывшие белогвардейцы. Об этом в своей книге "Казачьи" Филипп Лонгворт не пишет. ПОЧЕМУ?

Где же был ум и мудрость, корректность и предупредительность, сострадание и милосердие у солдат 36-й бригады, состоявшей из ВОСЬМОГО Аргильского и Суттерландского батальонов, у офицеров ПЯТОГО Королевского Вест Кенского батальона, когда война окончилась и наступил мир, когда плачем, криком и стоном наполнялась долина Лиенца, лагерь Пеггек, и эхом отзывалась в ущельях Альпийских гор, ударяясь в стены обрывов долломитов, тех несчастных жертв английских избиений. Эти жертвы, с Казачьим Станом, прошли незабываемый долгий трехлетний мучительный путь-поход, из своих насиженных, с горем пополам, казачьих земель "некультурных варваров", через Северную Италию в Кэрнтен Южной Тиролии Австрии, избегая встреч и знакомств с представителями "культурных варваров" Королевской Англии и бывшей Российской империи - сталинской России, жестокость и зверства которых известны ещё далеко до первого сталинца Российской Империи Ивана Грозного и до первого большевика Российской Империи Петра Первого.

Если всё это переложить на ноты, на музыку тех дней, то получится такое произведение разнообразных стилей и форм казачьих композиторов, которое можно было бы назвать: "Коварство и Кровь Альбиона" и которую навряд-ли английские лэди и джентельмэны стали бы слушать.

В казачьей аранжировке "Коварство и Кровь Альбиона", основана на сюжетах: английская злорадная двухличная улыбка на каменных лицах, коварство и жестокость в сердцах, хитрость и лукавство в мыслях, бесчестные "честные слова" в деле, злобные дыхания, равнодушие и безразличие в душе, садизм и похоть, зависть и злорадство в глазах, стальные перепонки в ушах, затуманенный мозг, зловонный запах перегара. виски из ртов, слёзы радости от сувениров/кубанских шапок, кинжалов, шашек, черкесок и т.д./, сила в руках с дубинками и футбольные "киксы" в ногах по унавшим на землю, по женщинам, по старикам, по детям, по младенцам...

Первым актом выдачи, к предстоящей кровавой всего Казачьего Стана: офицеров, воинских частей, школ и мирных семей, был как-то незамеченный и не отмеченный до сих пор в печати, это-обманный переезд из города Лиенц в город Шпиталь, Первой Казачьей парашотно-дессантной и снайперской школы Особой группы "Атаман", после города Толмеццо, также оказавшейся в г. Лиенце.

Мало кому известное это событие: до 28 мая и 1 июня 1945 года, чуть было не сорвало все планы английского командования по выдаче казаков. Несколько десятков казачьих офицеров сделали соответствующие выводы, не поверили "честному-слову офицера" офицерам английских частей, воздержались от поездки "на совещание", никуда не поехали, переоделись в штатскую одежду, скрылись в сёлах, спасались вблизи лесов, в горах, а затем "перевалились" через

проходимые высокогорные перевалы, никем неохраняемые и спустились в Тироль: в Иннсбрук, Зальцбург и т.д., и остались живы и здоровы.

Все они, преследуемые в то время: Ю. Турлучев, И. Бородкин, В. Стаханов, В. Чеботарев, И. Харламов, В. Михайленко, Ю. Гаркуша, Н. Кривенко, Федор Горб, Н. Артюченко и много других, в том числе и автор настоящей статьи, всё ещё свидетельствуют о потере доверия, достоинства, корректности, предупредительности и чести англичан...

Эта незаметная, "тихой сапой", в тихую обставленная поездка, была первой предварительной попыткой выдачи парашютистов-казаков из Казачьего Стана, была ловкая ловушка коварного Альбиона, хитрый и подлый замысел которого вполне удался бы, но не был выполнен до конца лишь потому, что выдав бы сто тридцать семь курсантов, казаков-парашютистов, в том числе девять офицеров и преподавателей школы, английское командование не могло бы осуществить свой/всё таки позже выполненный/дьявольский и коварный план выдачу советам всего офицерского состава, а после казаков и жителей Казачьего Стана, военных частей, полков и сотён, школ и госпиталя.

Слухи о том, что казачья парашютная школа очутилась вместо в учебных палатках английских парашютистов в Миллштате, на берегу озера Миллштатт, в бараках для заключённых и военнопленных эс-эсовцев и нацистов в лагере, в гор. Шпитале, окружённом двойным рядом забора из колючей проволоки/побег откуда был невозможен/, в соседстве с отъезжающими на родину, бывшими военнопленными Германии советских офицеров и солдат, проникли в штаб Казачьего Стана, где все встревожились, насторожились.

Ген. ген. А. Шкуро и Т. Доманов получили точное подтверждение, что парашютная школа находится под "особо строгой охраной английской военной полиции и английских парашютистов-автоматчиков", что им грозит отправка "на родину", причём т.к. никто из парашютистов не изъявил желания добровольно перейти в соседний, за проволокой, советский лагерь, то возможно принудительно-насильственная не отправка, а выдача, как преступников войны и бывших советских подданных.

Казачьи генералы кинулись к коменданту Лиенца, к майору Дэвис, в военную полицию за разъяснениями. Ещё не было разговоров о предстоящем разоружении казаков, о сдаче оружия и о предстоящей "конференции" офицеров. Генералы и штаб стали настойчиво спрашивать о судьбе казачьих парашютистов в Шпитале и резко, в частности ген. А. Г. Шкуро был задан вопрос майору Дэвис: "Почему казачью парашютную школу, вместо английской парашютной школы, как было обещано ранее им, продолжают вторую неделю держать под охраной английской военной полиции, за проволокой, усиленной английскими парашютистами".

Настойчивость ген. А. Шкуро и тревожные слухи побудили подполковника А. Д. Мальком отдать приказ: "откомандировать школу по месту её раннего пребывания, как ошибочное распоряжение Военной полиции в Лиенце, ввиду расформирования английской школы парашютистов, неправильно понятый английской военной полицией в гор. Шпитале"...

Это была прелюдия коварного Альбиона к увертюре, капельмейстера майора Г. Дэвис, "Созыва офицеров на конференцию 28 мая", к рапсодии, дирижера подполковника А. Мальколм "Первое июня 1945 года", к кровавой симфонии английского композитора, главного дирижера в шотландской "мини-юбке", командующего восьмой британской армией фельдмаршала Александера.

/Продолжение следует/.

С.Ш.А.

Борис Кантемир
/Рябых/

25-я ГОДОВЩИНА ЛИЕНЦА.

Трагедия казаков в Лиенце потрясает своей бесчеловечностью. Спрашивается: для чего англичанам нужно было выдавать в СССР казаков, и не только тех, которые боролись против русских коммунистов с оружием в руках, но даже стариков, женщин и детей?

Почему с небывалой жестокостью англичане расправлялись с казаками в Лиенце? За что убивали, давили, калечили, расстреливали из автоматов инвалидов, стариков, женщин и детей? Зачем танкетками душили живых казаков и казачек всех возрастов и полов?

На эти вопросы пока трудно ответить, т.к. одна и другая стороны молчат. В это время творилась тёмная, закулисная политика "союзников", приведшая к нынешнему положению. Кое-что из этой политики, мы уже знаем и знаем также, что эта политика обернулась против англичан.

Несомненно, что в то время, англичане испугались. Они боялись, что русско-коммунистический фронт не остановится в Берлине, а дойдёт до самого Ламанша, поэтому англичане всеми силами старались угодить требованиям Сталина и лебезили перед ним, как собачка на задних лапках. В это время произошла не только выдача казаков, но и передача всей Восточной Европы в лапы Сталину.

Это была капитальная непростительная ошибка, из-за которой англичане и американцы докатились чуть не до самой пропасти. И теперь платят!

Англичане думали, что выдача пройдёт незаметно и никто об этом не узнает, но они ошиблись. Хотя они и прилагают все усилия, чтобы этот позор замолчать, но сведения просасываются и уже многие знают о позорной роли англичан в этом деле.

Как происходила выдача, мы-казаки хорошо знаем, поэтому я не буду снова повторять. Но, наблюдая события и видя, как казаков продавали, я бы хотел добавить, что трагедия в Новороссийске, тоже произошла по вине англичан. В Лиенце англичане действовали непосредственно, а в Новороссийске руками ген. А. Деникина. Старый опыт повторили более откровенно.

Казачий Народ должен знать, что он остается один, среди двух врагов. С одной стороны - охамевший русский коммунизм, а с другой - испуганные собачёнки, вроде Англии, готовые служить на задних лапках. Я не говорю о С.Ш.А., руководители которой давно уже поняли ошибку, но её трудно исправить и ещё много потребуется жертв, чтобы выйти на чистую дорогу.

На наших глазах, мы видим большие перемены. Державы, вроде Англии, пытавшиеся удержать своё величие путём неслыханных предательств, сходят на нет. Мало того, что они растеряли свои империи, но там назрел и моральный упадок. Там появились: хиппи, битники и т.п. мерзость.

Зверскую расправу, учинённую над казаками, казаки никогда не забудут. Конечно, первая вина русского народа, установившего у себя звероподобную власть, которая требует жертв, даже женщин и детей. Но не меньшую ответственность несёт королевская власть английских "джентельменов", которые унизили себя настолько, что стали предавать невинных людей.

Кому это было нужно?.. И для чего? Глупо и подло!

Неужели руководители русского коммунизма и их прислужники англичане думали, что они покончат с Казачьим Народом? Казачий Народ проходил ещё более тяжёлые моменты и выживал. Переживёт он и теперь. Но, будем помнить, на веки вечные, как сильные мира сего, старались наш народ уничтожить как в Новороссийске, так и в Лиенце.

Пусть знают и помнят все, что если будет Казачья Держава, то будет мир во всём Мире, а иначе войны не избежать. Пусть не подумают, что я преувеличил. Залог Мира в Казачьих Землях. Без них Россия будет беззубая и всякие коммунизмы и другие "измы" прекратятся и не станет мечты у России о мировом владычестве, о крови и жертвах.

Мы-казаки, боремся за своё и за это положили бесчисленные жертвы. Но мы знаем, что Правда с нами. Правда будет тогда, когда освободится Казачий Народ и вспомнёт свои жертвы и преклонит пред ними колени.

Труа, Франция.

и.о. Верховный Атаман
М.И. Гаврилов.